

Илья Кнабенгоф

Тори

Предисловие к Тори.

Привет друзья и не очень!

Я написал эту книжонку в надежде достучаться до вас, потому как понял, что обыкновенными разговорами вас не проймешь. Эта книга о моей мечте, мечте всей моей жизни. Она рассказывает о том втором человеке, который живет в любом из вас, и которого вы не раз чувствовали. И если хоть на минутку каждый из вас прекратит все свои дела и посмотрит на небо, то прислушавшись, вы наверняка услышите ту заточенную птицу, что сидит в вас, как в клетке.

Я посвящаю эту повесть тем, кто сумел сохранить своего Тори и пронести его через всю свою жизнь, бережно охраняя его от нашей бесполезной и никому не нужной действительности.

Верю, ждет вас удача!

Автор

- ТОРИ -

(фантастическая повесть)

*В действительности все
совершенно иначе, чем на
самом деле.*

(Антуан де Сент-Экзюпери)

Глава 1

Серебряные птицы. Переливающееся серебро на серо-стальных крыльях. Длинный искрящийся вихрь из перьев и сотни голосов, перекликающихся между собой таинственной песней на неизвестном языке. Сотня песен, сливающихся в один водоворот, который скручивает воздух и серебро... серебро... серебро...

Уже вечер. Я медленно шагаю по берегу моря и подбираю выброшенных штормом рыбешек, морских звезд и медуз. Красное солнце, попеременно становящееся зеленым, грузно и нехотя опускается в только начавшее успокаиваться море. Уходящий грохот ветра напоминает заключительный акт какой-то грандиозной оперы. Я напряженно пытаюсь вспомнить какой именно, и в этот момент воздух высвечивается желтизной и ветер начинает закручивать желтые вихри над серыми и в тоже время оранжевыми волнами. Это зрелище никогда не оставляло меня равнодушным. Солнце перевалило теперь более на зеленую сторону, чем на красную, и небо соответственно схамелионилось с темно-синего на грязно-зеленое. Я присел на прибрежный валун, поднял камешек и запустил его в `дальнее` плавание. Раз... два... три... четыре.... Я встал и пошел дальше прежде чем камень утратил свои плавательные способности и с легким плеском скрылся в очередной волне. Иногда я заходила далеко от дома, и темнота накрывала берег настолько быстро, что я не успевала добежать до крыльца. Наваливалась непроглядная темень и я, стоя в пяти шагах от дома, не могла разглядеть ни окон ни тропинки, ни даже силуэта самого дома. Понимая, что на этот раз ночь обманула меня, я садилась на корточки и начинала кричать: `Папа!.. Папаааа!..` Отец, смеясь, выходил с фонарем на крыльцо и спасал меня в очередной раз от `неминуемой голодной смерти`. Чем старше я становился, тем чаще такие вещи со мной происходили и не только такие... Старше - это понятие, в отношении меня, довольно растяжимое.

Судя по рассказам отца мне что-то около двадцати, а второму мне (о котором отец не знал, или знал, но молчал) было около пяти. При всем этом моя личная интуиция подсказывает мне, что я на пару сот лет старше. Это сложно объяснить, потому как я даже сама себе не могу объяснить этого и еще много чего другого. Когда я сажусь и начинаю себя вспоминать `до рождения`, у меня начинает раскалываться голова, и предметы вокруг меня начинают совершенно сходиться с ума, меняя все оттенки радуги. Поэтому я оставил все как есть и сказал себе: `Пусть будет что будет.` Сказал – это тоже понятие относительное по отношению ко мне. Я не умею говорить в общепринятых понятиях. Когда я говорю, что кричу: `Папа!` это означает, что я кричу: `А-а-а-и-и-и!` и наоборот. Говорю я сам с собой, что тоже иногда затруднено быстрой сменой нескольких потоков мыслей с разных сторон. Отца я всегда понимала без труда потому, как со слухом у меня все в порядке, а вот речи я так и не выучилась. Несколько звуков, которые я умею издавать (и при желании громче, чем полицейская машина, которая догоняет кого-либо, что я неоднократно видел по телевизору) сводятся к неконтролируемому потоку гласных. Отец, правда, всегда понимал, что я хочу сказать каким-то интуитивным способом, который был известен только ему одному.

Сколько я себя знаю, мы всегда жили с ним в старом доме на берегу моря, которое на самом деле являлось частью океана, позарившегося, в свое время, на этот кусочек пустынной земли. Пустынной эта земля была отнюдь не из-за пустыни, а по причине гор, на которых ничего не росло, не водилось, не прыгало и не ползало, и которые подступали к самой воде, неизвестно где начинаясь, и являлись наилучшим средством защиты для нас обоих. Людей я не видел вообще, по крайней мере, в последние лет десять, и жили мы довольно-таки спокойно.

Отец никогда ничего не объяснял о причинах столь скрытного проживания, о котором я догадался, когда впервые увидел телевизор, и понял что нас на этой планете `чуть` больше, чем я думал. Меня вообще это никогда не расстраивало. Я чувствовал мало симпатий к людям и поэтому не спрашивал его ни о чем. Мое доверие к отцу за все время ни разу не пошатнулось, и я во всем ему верил и знал, что он лучше знает что делать, как жить, где гулять и кого можно ловить и есть и кто может съесть тебя самого.

Он всегда знал, что я думаю по тому или иному поводу, расспрашивая меня часами о разных пустяках, которым я не придавал особого значения, и мне всегда было смешно объяснять ему такие вещи как вода, огонь, горы, небо. Не то, чтобы он не знал что это такое на самом деле, а просто ему всегда было интересно, что я думаю об этих вещах. Позднее я стал понимать его мотивы к познанию моих умозаключений. Но это было позднее, а сейчас мне было просто весело, и я старательно рисовал разных рыб, пузыри воздуха, водоросли, тонущего человека, акул с острыми зубами и много всего подобного потому, что он меня просил объяснить мои чувственные ощущения от моря.

Выкручивая пальцы, делая умное лицо, я рассказывала о последнем увиденном мною фильме про подводную жизнь. Когда же была исписана целая стопка листов, изрисована половина очередного альбома и вконец устали руки, он вдруг остановил меня, по-своему открыто и весело засмеялся, встал и сказал, что на сегодня хватит и пора спать. И все также смеясь, пошел наверх, чтобы как всегда перед сном посидеть на веранде,

выкурить сигарету и посмотреть на океан. Его часто смешило, когда я о чем-либо горячо `рассказывал` и размахивал руками и карандашом. Я никогда не обижался на него, ибо понимал, что в конечном счете на его месте я бы просто лопнул со смеху, глядя на такую ситуацию. Иногда мне очень хотелось узнать, о чем он думает, когда сидит там наверху. Может быть он думает о том, что называется `жизнь`, хотя я так до конца и не понял значения этого слова, тем более не понял плакать ли или смеяться при этой штуке. Надо бы спросить его как-нибудь....

Глава 2

Позвонили мне ночью в офис. За два дня я пополнил мусорный бак таким количеством выкуренных пачек сигарет, что если бы я выложил их в ряд, то наверняка испугался бы. Было три часа, когда затрезвонил телефон. В голове у меня все как взорвалось, и я спросонья, не разобрав что к чему, заорал в трубку какую-то рекламную ахинею нашей фирмы, но радостный и вместе с этим официальный голос мягко меня прервал.

- Говорит медицинский центр `Моника`. Вы наверное будете мистер Юргенсен?

- Да. Вы уж простите меня за эту галиматью...

- У вас сын!

Надо сказать, эти три слова меня сразили наповал. Не то что бы я боялся чего-то, но все же известие о благополучном рождении сбросило мне камень с плеч.

- Он в порядке? Большой? - забросал я вопросами дежурную.

- Все о`кей! Приезжайте.

И только когда я приехал к центру и влетел мимо охраны в двери с букетом цветов, я увидел лицо нашего друга врача, который по нашей просьбе сам принимал роды. Моя улыбка погасла, и вместе с ней стал меркнуть свет. Я осел вдоль стены на пол и тупо уставился на него.

- ?!

- Крепись Ронни! Я не хотел сразу говорить, но...

- Пат?! Я не верю. Это розыгрыш, да?

- Нет, Ронни! Это не розыгрыш. Она просила передать тебе последний привет. У нее был выбор - или она или сын. Она решила подарить тебе сына. Теперь ты - отец! Тебе многое предстоит сделать, чтобы вырастить мальчика. Ты должен быть в норме, должен иметь силы, чтобы в скором времени взять на себя все заботы.

- Да, да. Я понимаю. Я все понимаю. Я сейчас... все пройдет. Сейчас...

Я сидел, и круги в глазах превращались в черные зловещие кольца каких-то ядовитых гадюк, которые душили меня за горло и не давали глотнуть воздуха. Комок в горле заслонил собой все вокруг. Я пришел в себя часа через два. Сидя в коридоре я невпопад кивал головой на успокаивающую болтовню врача, а в голове стучали два больших колокола.

- Буммм!... Ты понимаешь, Ронни, мы же... Буммм!... Мы не могли... Буммм!...

И тут я увидел идущую к нам по коридору женщину. Она, спотыкаясь, шла вдоль стены. В ее глазах с черно-синими синяками застыли слезы. Она пошаркала мимо бормоча: `Сынок, Тори, ну как же это?! Как же я теперь?!`

Ее подхватил какой-то парень и бережно повел к выходу.

- Пойдем, мам. Ему уже не поможешь. Пойдем домой.

- Нет, ну как же, а?! Как теперь-то?! Как без Тори-то?!

Я встал и взял за плечо сидящего со мной врача.

- Покажите мне его!

- Да, да. Конечно! Пойдемте.

Мы вошли через множество стеклянных дверей в спец. палату. Медсестра бережно приподняла лежащего на столе ребенка, взяла его на руки и поднесла ко мне. Я долго смотрел на него, взял тихонько его руку и понял, что это человек, ради которого я отдам всю свою жизнь и даже больше, если потребуется.

Я посмотрел в его еще сморщенное личико и сказал:

- Здравствуй, Тори!

Прошли первые полгода его жизни, полгода кошмара, состоящего из пеленок, простынок, жуткого крика и бессонных ночей. Я нанял медсестру, которая помогала мне во всем, точнее я ей помогал. Как только она вошла к нам, она критически посмотрела на кричащего ребенка и мой растерянный вид и скептически заметила, что, мол, я могу заниматься своими делами и лучше ей не мешать. Несмотря на ее просьбы `чтоб я не путался под ногами`, я все же все свое время посвящал учению обращаться с мальчиком, чем порой очень ее смешил. Видано ли, менеджер компьютерной торговли стирает пеленки. Однако через месяц я завоевал ее уважение в этом вопросе, и она охотно объясняла мне, что к чему.

Надо сказать, мальчик родился крепкий и на редкость здоровый. Единственное что меня беспокоило, было его непонимание человеческой речи. Он как бы существовал совершенно независимо и совершенно не реагировал на проявления к нему ласки. Такие обычные вещи как уговаривания поесть или убаюкивания были абсолютно неприменимы. Он ел, только когда ему хотелось, спал, когда хотел, и вообще всем своим видом как бы говорил, что он тоже кое-что понимает в этих вещах.

Прошел год, прежде чем я стал опасаться за его речь. После долгих осмотров и обследований мои догадки переросли в уверенность врачей что, видимо, Тори никогда не произнесет ни одного сознательного слова. Его связки не были предрасположены к выговору слов. Он мог только издавать открытые звуки, состоящие в основном из гласных, но, в конце концов, я решил, что это не столь уж тяжелое испытание. Главное было позади - он был жив и здоров.

Медсестра, совершенно обосновавшись у нас в доме, была теперь и няней и хозяйкой и домработницей и дворецким. Но и она собиралась нас покинуть, так как ребенок уже подрастал, а я справлялся вполне со всеми обязанностями. Я решил вырастить и воспитать Тори сам, без чьей-либо помощи. Я продал наш большой дом, бросил работу и переехал за город, купив там небольшой домик с садиком. Я считал крайне важным, чтобы ребенок вырос на природе, а где может быть больше природы, чем посреди леса.

Пат оставила достаточно, чтобы можно было жить безбедно нам обоим, да и у меня было сколочено неплохо, и мы могли спокойно жить на проценты, кои получали исправно по почте, так как ехать с Тори в город мне не хотелось, а оставить его было не с кем. Так и началась наша совместная жизнь; вернее начиналась его и я очень хотел, чтобы он никогда не пожалел что вырос без матери.

Глава 3.

Мне был год, когда я впервые осознал, что вокруг творится что-то не то. Вам, наверное, странно слышать что я, возраст,

которого исчислялся двенадцатью месяцами, мог что-то осознавать. Однако это действительно было так. Я помню даже, как впервые открыл глаза и сразу увидел мерцающее лицо надо мной, которое улыбнулось и сказало: `Привет, Тори!` С того дня я старался почаще держать их открытыми и лишь когда они сами собой закрывались, я опять проваливался в темноту, которую невзлюбил сразу же. Мои глаза долго привыкали к мельтешащему красками миру. Поначалу это мелькание было настолько хаотичным, что я совершенно терялся в обстановке. Одеяло, под которым я лежал, успевало за минуту переменить цветов пять, и к концу этого отрезка времени я уже и не знал: одеяло ли это вообще?!

Через пару месяцев я уже научилась кое-как управляться с этим обстоятельством, а хаос достиг двух цветности и на том остановился. Я перестала удивляться, когда кубик или мяч в моих руках становились из красного желтым или из синего зеленым. Дольше я привыкал к небу. Оно постоянно находилось в смещенной перспективе, не говоря о цвете, и становилось то высоким, то низким.

Примерно к двум с половиной годам я начал понимать четкий смысл речи отца и тут-то начались сложности. Сложности начались с книжки-раскраски, которую отец купил, чтобы я учился рисовать. Я старательно разрисовал картинки как мог, и как раз заканчивал малевать последнюю, когда отец вошел и увидел мое искусство. Выражение его лица изменилось настолько, что я даже испугался. Затем мы вышли на крыльцо, и он показал мне на небо, а затем на синий карандаш. Я упорно смотрела на небо, но ничего синего в нем не нашла: Оно было желто-фиолетовым, и нормальные красные тучи плыли по небу, напоминая куски ваты. Отец взял книжку и стал закрашивать небо синим цветом, которое, естественно, через минуту стало желтым. Карандаш тоже сделался желтым и чуть смазался в очертаниях, но отец, казалось, этого не заметил. Я закивал головой, улыбнулся и ткнул пальцем в небо, а потом на его картинку, соглашаясь. Он, вроде, успокоился и спросил, почему я разрисовал остальные картинки неподходящими цветами. И тогда я умудрился вывести свое первое логическое умозаключение что, видимо, со зрением у него не в порядке. Я чувствовал, что он обидится, если я буду упорствовать и мы занялись названиями цветов. Он вытянул желтый карандаш, показал мне его близко-близко (как будто я плохо вижу!) и сказал:

– Желтый! Это желтый цвет.

Он хотел убрать его, но я протянул руку и задержал его. Карандаш медленно стал фиолетовым с оттенком зеленого. Конечно, названий цветов я тогда не знал и желто-фиолетово-зеленый стал называться `желтым`. Через два дня я запомнил названия, хотя удержать в голове такое количество соцветий было нелегко. Ум мой старательно отказывался воспринимать это как должное и тогда же я подумал: возможно у меня не все в порядке со зрением? Несколько лет спустя я научился останавливать смену цветов в глазах на полторы минуты, и хотя это стоило мне больших трудов (голова моя совсем раскалывалась после этого) я выучил таки по новой (самостоятельно!) названия цветов этого видения так как понял, что отец видит только половину соцветия предметов. Это его успокоило, но с этих пор он стал как-то странно на меня посматривать. Но это было единственным, что нас разделяло. Мы целыми вечерами бегали по лесу и подстерегали зайцев, когда они вприпрыжку бежали с поля.

Мы сидели в кустах, а зайцы (обычно по двое) неслись в чашу как раз мимо нас и когда они пробегали мимо, мы выскакивали из кустов и кричали. От такой неожиданности они делали такой скачок в сторону, что иногда даже переворачивались в воздухе. И я стоял и просто заливался хохотом. Потом мы даже придумали ставить на них как на лошадей, и у кого из нас заяц прыгал красивее, говорил свое желание, а другой исполнял. По этому поводу у нас много раз бывали споры, чисто спортивные, конечно. Отец выскакивал из засады и кричал, хохоча: `Мой, мой!` А я мотал головой, тыкал себя пальцем в грудь и тоже кричал.

Единственное что меня огорчало, что я не умел говорить. Я выражал свои эмоции разными звуками, но никогда не мог ничего сказать. Это меня очень удивляло и расстраивало. Казалось бы, чего проще взять и сказать: `Доброе утро!` Но я сколько ни старался не мог подчинить себе язык и горло. В голове у меня эти слова произносились четко и ясно, а на деле выходило нечто среднее между кошачьим мяуканьем и шипением змеи. Через некоторое время я бросил попытки что-либо сделать в этой области и решил что и так неплохо. Если все будут разговаривать да разговаривать - это ж какая скукота будет! Но внутри меня уже зародилась тяжесть. Как бы я все-таки хотел когда ни будь сказать: `Здравствуй, папа!` Отец никогда не подшучивал над моей речью, хотя даже я иногда находил смешные сходства моих слов с голосами некоторых животных или птиц. Иногда к отцу приходили люди. Они подолгу сидели с ним в гостиной, пили кофе, иногда ром и разговаривали долго-долго. Как правило, отец всегда после этих разговоров был расстроен. Я очень не любил этот его встревоженный вид. Мне казалось в эти часы, что я остался один, а он как будто куда-то улетел.

Однажды, когда эти люди приехали, я вышел на крыльцо, загородил проход в дом и сделал угрожающее лицо. Один из них удивленно попятился и пробормотал:

- О, черт! А он неплохо оберегает свое спокойствие!

- У Ронни наверно хлопот с ним. Норовистый малый.

- Эй, Ронни! Что это малыш у тебя сегодня, никак с цепи сорвался?!

- Даже не знаю что с ним. Никогда еще его таким не видел. Наверно что-то не понравилось.

- Эй, малыш. Мы тебе чем-то не угодили?

Я утвердительно закивал головой.

- Хо! Чем-же?!

Я указала на отца и сделала грустный вид.

- Я не совсем понял, но по-моему ему не нравится наше присутствие здесь вообще.

Я не мог объяснить свои чувства даже самому себе. Я чувствовала нечто плохое, нечто неуловимое, что несло в себе зло. Оно давило на голову и было похоже на предчувствие, если бы не вполне реальная боль в голове. Тогда я изо всех сил постарался своим сознанием подавить это чувство. И произошло нечто странное. Лица этих людей вдруг поморщились, один из них схватился за голову и осел на пол. Второй в испуге отскочил шагов на пять от двери и закричал, мотая головой:

- Что это?! Отпусти сейчас же! Моя голова!...

Я поутихомирился, так как сразу понял причину столь бурных перемен в их поведении. Они вскочили на ноги и побежали к машине. К слову сказать, больше я их никогда не видела.

Отец внимательно посмотрел на меня, потом присел и заглянул мне в глаза.

- Они ведь плохие люди?

Я усиленно закивала головой.

- Ты не мог ошибиться? Как ты это понял?

Я указала на свою голову, потом на уши и на дорогу куда они убежали.

- Ты хочешь сказать, что слышал их голову, их мысли?

Я пожал плечами, потом кивнул.

- А что именно ты услышал?

Я отрицательно мотнул головой, затем сделал самую страшную гримасу, которую мог себе представить, развел руки в виде когтей и низко зарычал. Отец коротко кивнул, погладил меня по голове и пошел наверх.

- Я так и думал! - Сказал он, поднимаясь по лестнице.

Весь день он просидел на веранде. Вечером он спустился и сразу обратился ко мне с вопросом:

- Давно это?

Я показала, что в первый раз.

- Дело приобретает серьезный оборот. Значит, они были правы. Однако, посмотрим, что еще может у тебя произойти.

Я пожал плечами и улыбнулся. Первый раз в жизни я почувствовал себя по настоящему сильным. Уж теперь я заставлю их оставить нас в покое. Только отец становился все задумчивей и серьезней.

Глава 4.

Тори исполнялось четыре года. Стояли свечи. На столе сверкал торт. За окном спускался вечер и любимый еж Тори, которого недолго думая назвали Кактусом, уже пустился в свои ночные путешествия по дому. Еж вообще был, несомненно, общим любимцем и, помимо этого, выполнял очень важную работу по дому. Он исправно гонял всяческих грызунов, которые изредка зарились на съестные запасы, а также громко топал ночью, ходя, словно сторож по гостиной, и если кто подходил к дому он сильно шипел, давая знать о непрошеном госте. Иногда мне казалось, что они с Тори разговаривают. Тори садился около ежа, и они подолгу с серьезным видом смотрели друг на друга. Через несколько минут Кактус недовольно фыркал, поворачивался и убегал, топя своими коготками, а Тори смеялся и объяснял жестами мне, что мол Кактус не хочет ему говорить где его семья и откуда он родом. Если бы

это говорил обычный мальчик, я бы посмеялся от души, но с Тори дело было по-другому. За свои четыре года он показал, что не всегда склонен к детским рассуждениям, а иногда выдвигал такие теории, что я только разводил руками и чувствовал себя маленьким мальчиком, которому учитель сделал выговор. Так и здесь. Я уж и не знал: смеяться мне

или всерьез относиться к этим беседам между Тори и Кактусом.

Так вот, мы втроем сидели за столом (вернее, мы с Тори за столом, а Кактус под ним) и показывали друг другу фокусы, которым научились из книжки. Мы разделяли фокусы напополам и учились каждый своим; а потом друг другу хвастались своими достижениями.

Я выложил свой главный козырь и провернул блестяще шутку с не тонущим шариком, как вдруг Тори загадочно приложил палец к губам, подмигнул мне и показал, чтобы я сел. Затем он зачмокал, подражая Кактусу, и тот нехотя вылез из под столика. Тори усадил его посреди стола, затем показал, чтобы я сидел тихо, а затем усталился на ежа. Тот в свою очередь как замер, так и не двигался. Прошла минута, прерываемая иногда только почмокиванием Тори и тихим шипением Кактуса, как вдруг еж странно гу-гукнул и сел на задние лапы! А потом он засвистел! Я был полностью уничтожен! В мелодии Кактуса с трудом, но улавливалась музыка из заставки детской передачи, которую так любил Тори.

Продолжалось это секунд десять, потом еж сердито фыркнул и скатился обратно под стол. Тори с победоносным видом встал и поклонился `публике`. В тот момент я подумал, что если бы публика действительно присутствовала - это был бы скандал в истории.

- Как ты это сделал?!- изумленно воскликнул я. И Тори `снисходительно` рассмеялся и объяснил, что ничего делать и не надо. Надо только очень попросить, тем более что, по его объяснениям, для Кактуса эти штуки очень унижительны, и он пообещал, что это в последний раз. Ну знаете! Сказать что я был в шоке - это значит не сказать ничего.

Через минут десять я пришел в себя от изумления, и мы вместе потащили Кактуса на кухню откармливать его всякими вкусными штуками. Лично я почувствовал себя очень виноватым перед ним и тоже пообещал ему (вслух, конечно) что это было в последний раз и он несомненно заслужил себе сегодня безбедную и спокойную жизнь до конца дней своих. С тех пор Кактус стал уважаемым и почетным членом семьи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но этими фокусами все только началось. Произошло нечто, что перевернуло впоследствии всю нашу жизнь и, что в конечном итоге

было именно тем, чего я всегда боялся. С самого его рождения я был уведомлен, что от Тори можно ожидать чего угодно.

Всем известно, что иногда рождаются дети с патологией. Но в случае с Тори слово патология явно не подходило. Мало того, что его кровь являлась, по сути своей, сывороткой от, практически, всех болезней, то есть являлась своеобразной всеподавляющей иммунной системой, так еще и обнаружилось повышенная концентрация мозгового вещества. По сути дела, никто не знал, что может в дальнейшем произойти с ним, и поначалу мне предлагали взять Тори на содержание института с дальнейшим изучением его под присмотром специалистов, но я отказался наотрез. Врачи все равно периодически приезжали проверять его состояние, но кроме отсутствия болезней Тори ничем не отличался от обычных детей. Его невозможность говорить не была соотнесена с его отклонениями, и, в конце концов, врачи ограничились ежемесячным осмотром в виду опасности сдвига психики.

Но ЭТО произошло. Произошло настолько неожиданно и не ко времени, что дальнейшая жизнь и свобода Тори оказались под угрозой.

Была зима. Мы часто, по прежнему, гуляли в лесу. Тори все чаще поражал меня своей способностью `общаться` со зверями и, в особенности, с птицами. Охота отпадала сама собой как совершенно идиотское занятие, и ружье мое давно покрылось пылью. Ну вообразите себе! Как только мы входили в лес, Тори начинал тихонько шипеть и, казалось, все птицы леса слетались к нему. Они садились к нам на плечи, на голову и кружились вокруг нас несчетным числом. Иногда к нам прибегали зайцы, барсуки и красные лисы.

Мы вышли в лес с утра, чтобы посмотреть, как солнце встает из-за снежных холмов на востоке и окрашивает лес в миллионы цветных искр. Мы медленно пробирались на лыжах через заросли. Стояла морозная, трескучая тишина. Я попросил Тори, чтобы он унял своих пернатых друзей, которых, правда, зимой было очень немного. Деревья, покрытые инеем, складывались в совершенно невообразимый узор, который из белого становился черным, когда мы, проходя, задевали за бесконечные нити веток.

Тори всю дорогу был занят своими мыслями и казался очень занятым какой-то идеей. Я спросил его: не нужна ли моя помощь в решении столь серьезной проблемы, но он отмахнулся и продолжал задумчиво смотреть по сторонам. Тропинка отгибалась небольшой завал из ветвей, и Тори выразил желание обойти с другой стороны. Я прошел левой стороной завала и остановился подождать Тори, но его не было. У меня екнуло сердце, и я побежал к тому месту, где по моим расчетам, он должен был выйти. И тут я увидел ЭТО.

Его не было! След от лыж кончался у самого поворота, а дальше шел нетронутый глубокий снег. След шел прямо, никуда не сворачивая. Обрато по своим следам он не уходил, это было видно по глубине канавок. Было впечатление, что просто прилетел вертолет и унес его прямо отсюда. Я поглядел вверх, но и там ничего не было, кроме почерневших голых деревьев. Я человек отнюдь не нервный, но это было слишком. Не впадая в панику, я встал на месте и позвал:

- Тори! Тори, сейчас же выходи! Не пугай меня так!

И тут я увидел, что на том месте, где кончались следы, возник Тори. Не то чтобы он просто возник, сперва задрожал воздух, как бывает от жаркого костра, а затем стал появляться он. Его `изображение` становилось из размазанного все более

четким, и вот он уже стоял передо мной и удивленно смотрел на меня.

– Вот оно! – подумал я. Вот то, что когда-нибудь должно было произойти и чего я так боялся.

– Где ты был?!

Он пожал плечами и недоумевающе уставился на меня. Потом ткнул пальцами себе под ноги.

– Тебя не было здесь! Что ты делал последнюю минуту?

Он ответил, что стоял и смотрел на небо. Я посмотрел на небо, хотя уже знал что ничего там не увижу.

– Пойдем-ка домой. Мне надо серьезно с тобой поговорить.

Так началась наша вторая жизнь. Многие люди рождаются с отклонениями и впоследствии начинают обладать разными странными способностями, такими, например, как телепатия, телекинез, предвидение или еще что-нибудь в этом роде. Да, Тори тоже обладал, точнее начал обладать некой странной способностью. Именно это предсказывали мне его врачи, и именно этого они так ждали. Но, боже мой, разве я мог представить такое?! Пять лет ничего не происходило и вдруг...

Тори умел исчезать! Исчезать совсем, без следа и, как я понял, без особых усилий. Правда, это произошло один раз, но я был уверен, что этот раз далеко не последний. И если, не дай Бог, кто увидит ЭТО, то жизнь Тори мне представлялась в весьма не розовых тонах.

Закрытый режим, секретные лаборатории и, в конце концов, запрос Пентагона на использование в качестве оружия.

Я постарался в тот же вечер выяснить все и потребовал от Тори подробнейших объяснений. Объяснения эти были весьма туманными. Он сам толком ничего не знал. Мало того, он долго не мог поверить, что он исчезал. В конце разговора я все же понял, что это как-то связано с его нарушениями в восприятии цвета. Это было старой проблемой Тори. Он иногда путал цвета, а на приеме у врача при проверке на дальтонизм и вовсе нес несусветную чушь, но мы давно уже не возвращались к этому. Тем более, что долгие дни занятий не дали никаких результатов. В итоге мы все списали на его `странности` и этим дело кончилось. Как оказалось на деле, все только этим начиналось. После долгой беседы мы приняли решение уехать. Это было далеко не просто, так как мы все еще находились под негласным наблюдением медицины, которая все более и более часто стала являться вместе с непонятными людьми в штатском.

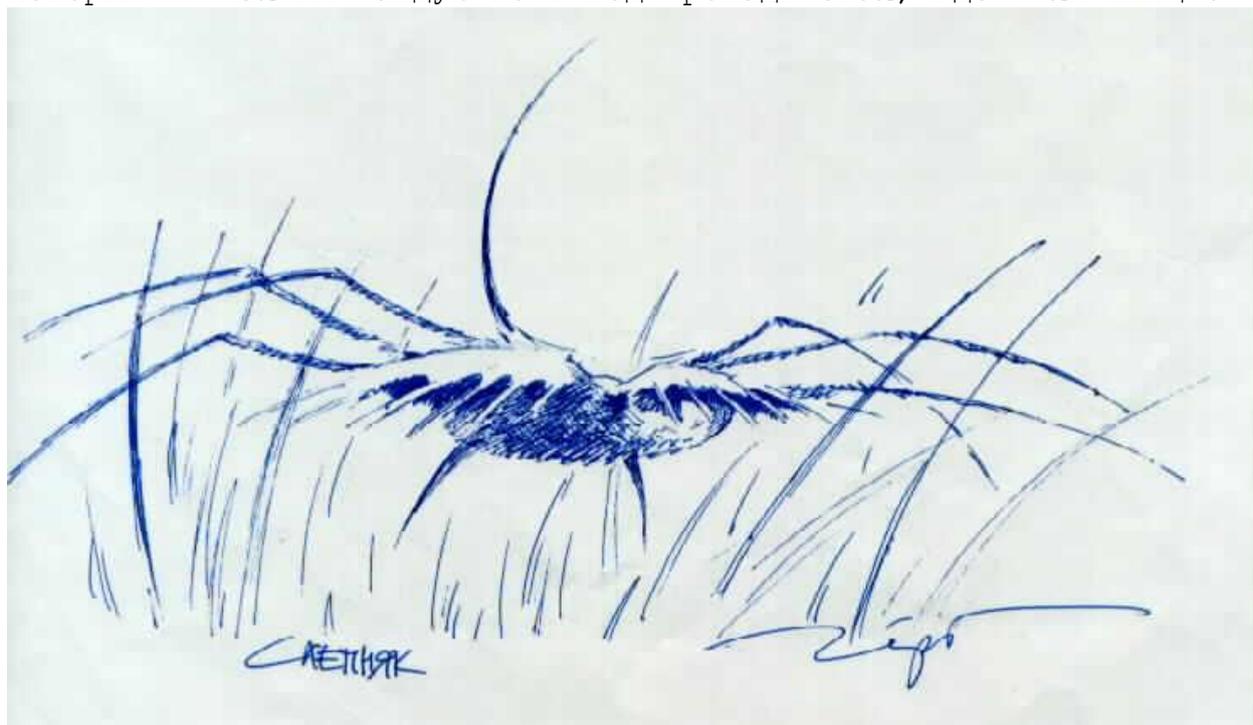
Итак, бежать. Куда? Эти вопросы встали неожиданно и остро. Тем более, что ни я, ни Тори понятия не имели повторится ли ЭТО еще раз и когда это произойдет. Вообще, мы сели на `бомбу`. Ночью мы сложили вещи и тщательно подготовились покинуть этот дом, который служил нам верой и правдой все это время. Больше всего было расстройств, конечно, у Кактуса. Ему никак не улыбалось покидать родной лес и трястись в машине черт знает куда. Но он, видимо, тоже `понял` всю серьезность положения и позволил себя запаковать в корзину, куда мы набросали отогретого мха и веток.

На следующий день я впервые оставил Тори одного, предварительно закрыв все окна и двери, и пошел искать покупателя на дом. Вечером того же дня мы продали за бесценок все, что смогли, и были готовы отчалить. Тори все воспринял мужественно и как должное. Воспоминание о мрачных людях в

костюмах было еще свежо. А когда мы уверили Кактуса, что искать место для дальнейшего проживания будет именно он, и его мнение о местоположении нашего дома будет ведущим, все неурядицы решились сами собой. Было половина второго ночи, когда мы выехали на дорогу и взяли курс на юго-запад.

Глава 5.

...Ветер стихал. Высокая зеленая трава начинала постепенно поднимать свои стебли навстречу ночному затишью. Голубые молнии еще продолжали чертить свои причудливые узоры на горизонте, но капли дождя уже редели и большая фиолетовая туча медленно уползала к Розовым скалам. Скалы эти стояли неприступной крепостью на пути всех возможных бурь и штормов. Маленький остров из розового пористого камня, который так мало весил, что сильный шторм иногда сдвигал двухсотметровые скалы, что доставляло немало хлопот степным кошкам, которые ютились под ними. Если темнота наваливалась быстро, им приходилось бежать до ближайших скал несколько десятков лиг. Бояться, конечно, было некого. Никому в голову-то не придет мысль напасть ночью, да и зачем? Уже много лет действовал Закон, распространяющийся на всю планету о неприкосновенности после захода второго солнца. Птицам-то было все равно, но кошкам и слепнякам приходилось трудновато с охотой. Зато ночью можно было спать где угодно, никого не боясь. Кошки же обладали неким стадным инстинктом, который и гнал их каждую ночь под громады скал, где жили Птицы.

Вот и сейчас, с высоты шестого яруса, Птица смотрела как бежали от надвигающейся тьмы стаи кошек. Некоторые метались посередине `меж двух огней`. Ближайшие скалы были на расстоянии сорока лиг и они не могли решить бежать ли до Розовых скал или до Желтых. Иногда приходилось брать в лапы `светляков` и лететь спасать замешкавшихся, а не то ночью они поднимут дикий вой.

На подходе была уже зима, и Птицы начинали готовиться к Межрайдерному перелету. Кошки на время зимы оставались хозяевами Скал и Птицы позволяли им селиться в теплых пещерах на первых двух ярусах, которых с лихвой хватало на количество зимующих.

Шкура кошек была приспособлена для зимы, но они все равно предпочитали быть поближе к теплу.

- Кошки - они на всех райдерах кошки! Лишь бы поесть, погреться да помурлыкать, - подумала Птица, развернула огромные крылья и сорвалась вниз с карниза, держа в лапах двух ярко сиявших отдохнувших `светляков`. Далеко внизу, в долине, разнесся жалобный вой заплутавшей кошки. Тут же сверху раздался ответный крик и, освещенные двумя огнями, мелькнули серебряные крылья, отразив последний зеленый луч уходящего второго солнца. Пятый райдер готовился встретить долгую двухдневную ночь.

- Где ты был?! - вскричал отец. Я и не увидел как он подбежал с другой стороны. Я удивленно посмотрел на него и переступил лыжами через сук, затем показал себе под ноги. Этим я говорил что был здесь.

- Тебя не было здесь! Что ты делал последнюю минуту?

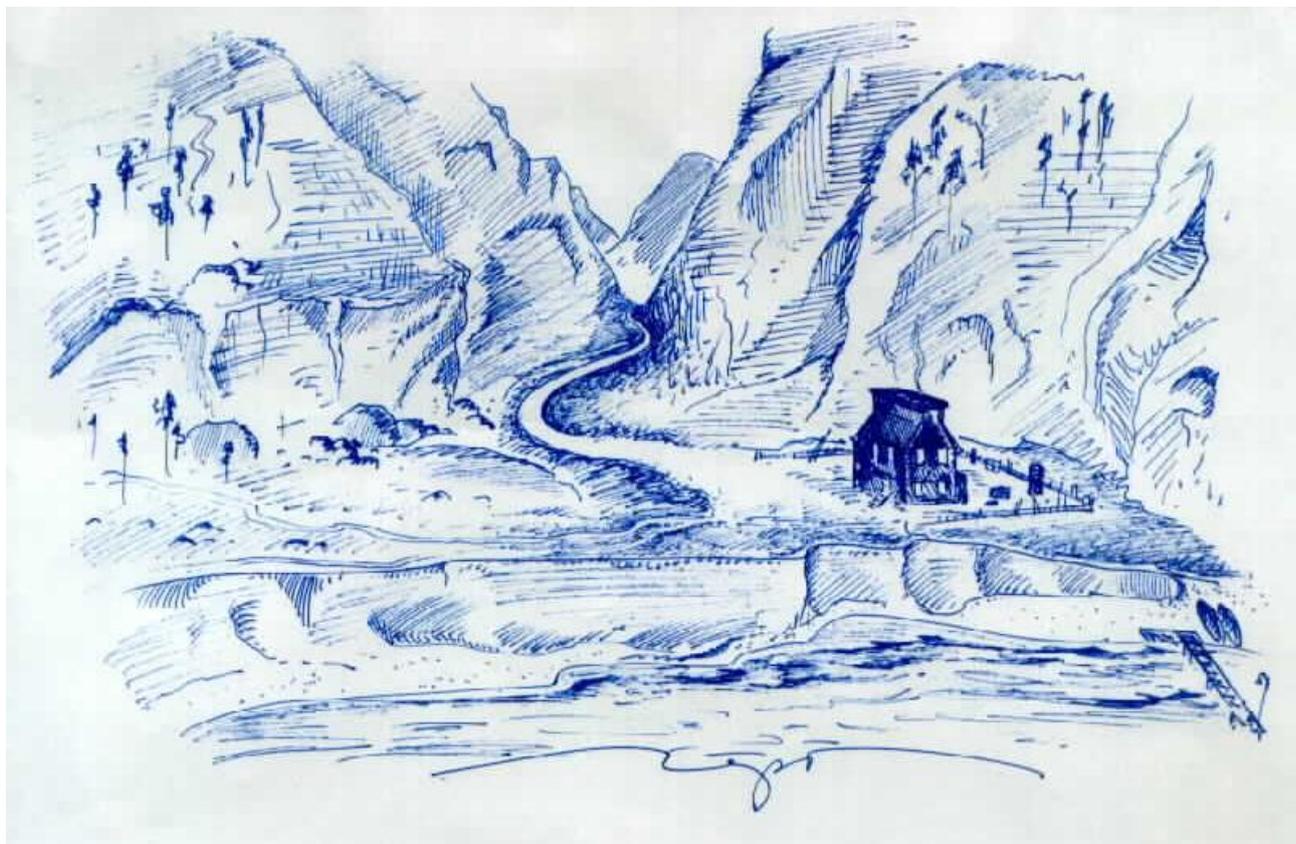
Я `сказал` что смотрел на небо. Оно все еще было слегка оранжевым, но уже приобретало знакомый синий оттенок. Встающее солнце тоже постепенно становилось из зеленого привычно розово-голубым. Отец взял меня за руку и повел, вернее потащил домой. Я и понятия тогда не имел, что совершил свой первый Переход.

Лично для меня тогда ничего не показалось необычным. Мы шли по лесу. Все было до ужаса однотонным и скучным. Встречать солнце я, конечно, очень любил, но сейчас мне стало скучно, и я попробовал играть цветами. Вот розово-голубой снег стал постепенно желтым, встающее солнце стало зеленым, и деревья окрасились бирюзой. Но отец все время что-то говорил, и это меня сбивало с толку. Я теряла контроль над цветами, все опять становилось хаотичным. Я впервые додумался попробовать заставить вторую половину соцветия, но так как долгое время я старался держать перед глазами первую половину, которая была более-менее привычна отцу, теперь было очень сложно вспомнить, как остановить ту. Я, сославшись на любознательность, разделился с отцом, зашел за бурелом и сосредоточился. Краски

стали ярче и насыщенней. Тогда я `сделал` воздух слегка оранжевым и послал сильный сигнал заставить эту гамму цветов. На секунду помутнело в глазах, воздух вокруг странно качнулся, и все стало опять нормально. То есть был оранжевый воздух, очень насыщенный у земли и редющий выше, желтый снег и темно-зеленое солнце, заливающее зеленью все вокруг и тысячу зеленых искр играющее на лимонном снегу. Единственное, что меня озадачило это то, что цвета были очень стабильны. Скажем чересчур. Я видел исключительно `вторичные` цвета. И мертвая тишина. Я стоял и смотрел на чуть оранжевое небо. Не знаю, сколько это продолжалось, как вдруг откуда-то послышался голос отца, зовущий меня по имени. Я опустил глаза и увидел перед собой его. И еще мне показалось; когда я опускал глаза, воздух опять как-то странно дернулся. Он стоял и с неподдельным удивлением смотрел на меня. Цвета сразу же стали возвращаться к `двух цветности`.

- Где ты был?!

Вот уже год как мы живем на новом месте. Когда мы приехали сюда, я была в полной уверенности что это и есть `край света`. Три четверти взора занимали горы, тянувшиеся на неопределенное расстояние, четверть занимал океан, раскинувшийся куда хватало глаз, и лишь какую-нибудь сотую часть пейзажа занимала аллея, которая тянулась вдоль самого океана, отрезанная с одной стороны горами, с другой стороны водой и заканчивающаяся металлической сеткой примерно в двух километрах от дома. Дом был двухэтажный, с верандой, выходящей на побережье. Старый, тяжелый, деревянный дом. Это была родина моей матери. Это была ее земля, ее горы, ее океан. Впервые в жизни я вспомнила о матери. Рассказы отца о ней были всегда очень туманны, и он всячески старался уйти от этой темы, и было видно, что это доставляет ему неприятные воспоминания. Я недолго упорствовал. Не то чтобы я был совсем равнодушен к этому вопросу, но, поймите правильно, я никогда ее не видел, а поэтому моя мать была лишь частью прошлой жизни отца.

Я сразу полюбила море. Я могла часами сидеть на берегу и просто смотреть на волны. Иногда, когда отца рядом не было, я снова пробовала играть цветами, но с волнами это хуже получалось, так как они пребывали в постоянном движении. Зато закат! Видели ли вы когда-нибудь темно-фиолетовый закат? Сначала небо было слегка фиолетовым, а солнце зеленым, а потом они начинали меняться цветами, и чем ниже спускалось солнце в горизонт, тем более фиолетовым оно становилось. А лиловые чайки! Ничего красивей я до сих пор не видела.

Кактус. Тот вообще потерял голову. Если перевести его возраст на человеческий, то ему уже было пора на пенсию. Но он как сбросил все свои года и чуть ли не с гиканьем носился вдоль берега, а то с победным шипением кидался на крабов или на маленьких черных змеек, которые вырывали себе норы в песчаных основаниях карьеров. Он был готов с утра до вечера не вылезать с берега, что, в принципе, и делал.

До ближайшего соседа было около четырех миль и, кроме как на моторной лодке, туда добраться было крайне трудно. Мы изредка ездили к старому Тому и ловили рыбу. Вернее я ловил рыбу, Кактус ее драл своими когтями, а папа с Томом сидели на берегу, пили пиво и сплетничали о спорте и политике. Том знал несколько десятков способов ловли рыбы, а может и больше, и каждый наш приезд он мне показывал новый способ. Мы тут же начинали его осуществлять, а Том стоял в сторонке и посмеивался над нашей неуклюжестью. Как-то раз я подвергла сомнению его мастерство, и он с одной-то удочкой в руках за час обеспечил нас ведром рыбы. После этого случая я стал верить Тому как самому себе. Он этим, конечно, пользовался и, как я теперь понимаю, рассказывал мне всяческие сказки про то как он дрался с пиратами, как он плавал чуть ли не капитаном, ну и естественно про километровых акул. Я же сидела и впитывала эту лапшу, все принимая за чистую монету. У Тома была старенькая малюсенькая яхта, на которой он нас катал

в солнечные дни. Он был тоже очень рад, что наконец-то у него появились соседи и есть кому высказать свое неодобрение по поводу проведения очередных выборов местного шерифа, а так же поведать свою напичканную приключениями жизнь.

Отец никогда ему не рассказывал откуда мы и кто, и поэтому я понял что они уже знакомы давно, а также я узнал что Том хорошо знал мою мать, и, при случае, я решил расспросить его. Я не хотел, чтобы отец знал об этом, а язык жестов был пока плохо понятен Тому и расспросы мои откладывались по чисто техническим причинам, если можно так выразиться. Времени у меня было впереди предостаточно и я стала учить его разговаривать, чтобы общаться напрямую. Тому это было очень интересно, и он с жаром кинулся изучать все мои `приемы` речи. Он же в свою очередь учил меня шипеть по змеиному, объясняя это тем, что если я встречу на пути змею, надо быть вежливым и уметь ей сказать: `Милая, не пошла бы отсюда куда подальше!` А также, после этого, согласно правилам хорошего поведения, пожелать ей приятно провести время в этом `отдаленном месте`. С этими шутками и весельями шел к концу пятый год моей жизни...

Глава 6.

Жить вдаль от людей оказалось намного легче, чем я думал. Одиночество редко давало о себе знать. Я был все время занят Тори. В частности, изучал его поведение, его реакции на различные раздражители и многое другое, пытаюсь выяснить природу его отклонений. Хорошо помня о связи его `исчезновений` с изменениями цвета его зрения, я большое внимание уделял этим скачкам, выявляя когда у него это происходило. За последние полгода его `фокус` повторился еще два раза, и это только те разы, что я сам увидел. Я думаю, что в мое отсутствие их было еще больше. Было видно как у Тори загораются глаза при всех этих экспериментах. Он не меньше моего хотел разобраться, как он это делает и побаловаться как следует.

Однажды он меня этим сильно напугал. Я пошел на берег, чтобы позвать его к ужину. Вечер был теплым и вода была покрыта туманом. Легкий ветер разрывал его пелену у основания гор и заходящее солнце просвечивало все бордовым светом, который весьма смахивал на какой-то магический огонь. В общем обстановка, сами понимаете, мистическая. На пляже дальше восьми-десяти метров было ни черта не видать. Я сложил руки рупором и пошел вдоль прибоя зовя его. Пройдя примерно метров двести я обнаружил песчаный замок, слепленный Тори. Он был довольно внушительных размеров и весьма таинственно вырисовывался на общем фоне тумана и уже багрового солнца. Я прикинул, что Тори мог вполне пойти гулять на аллею. Он очень любил там бывать. К слову сказать, я не очень равнодушно к этому относился, так как существовала весьма неприятная история, которой Тори не знал; его мать внезапно потеряла рассудок прямо перед его рождением, и, хуже всего, что никто не знал как это произошло. Ее нашли именно в этой аллее. Она стояла там, обнимая одно из пожелтевших к осени деревьев, открыв беззвучно рот, и в глазах ее стоял ужас. Больше никто не услышал от нее ни слова...

Я повернулся и зашагал к аллее. Не знаю даже, что заставило меня оглянуться. Волосы у меня на голове, как говорят `зашевелились`. Туман сконденсировался на моих глазах в подобие маленького облака, из которого вытянулись руки и стал дрожать и пульсировать. В этот момент я понял что происходит и побежал к

нему. Перед моими глазами воздух полыхнул волной, обдавшей меня горячим паром и ... передо мной стоял Тори. Вид у него был крайне испуганный и виноватый. Он объяснил что не хотел меня испугать, а надумал просто попробовать пошутить и очень был огорчен, что меня это напугало. Испугался я, конечно, порядочно, но интерес взял верх, и я попросил мне все объяснить. Каково же было мое удивление, когда я услышал эти объяснения.

Технику `перехода` Тори в точности не знал. Получалось это у него спонтанно (по его словам), но с каждым разом все лучше подчинялось его желанию. Он научился понимать и чувствовать свое `исчезновение`. Он нарисовал мне берег, аллею и горы, но нарисовал все размытым и нечетким, как бы смазанным в перспективе. Потом он объяснил, показав на часы, что это происходит только в момент его `исчезновения` и `появления` и длится не более секунды, и по этим признакам он узнает что `исчез`. Но более всего меня удивило его предположение по поводу его силы. Оказывается, Тори был не единственным, кто обладал подобными возможностями. Когда он был `там`, то по его рассказу, он чувствовал, что кто-то тоже `переходит` границы видимости. Но что самое интересное: `видно` это было только `оттуда` и эти `кто-то` не показывались, а манипулировали этой силой из состояния невидимости. Они были невидимы и для меня и для Тори тоже! У меня появился большой повод бояться за него. И я его настоятельно попросил не делать этого больше в мое отсутствие. Я пообещал более не ругать его за эти `шутки`, но объяснил что в его же интересах эти опыты проводить в моем присутствии. В конце концов, может и я чего увижу и подскажу. Тори был только рад и сразу же согласился со мной.

И вот, через две недели, наступил день, когда мы решились с Тори на опыт. Долгое время мы обсуждали условия эксперимента, а также задачу, которую он должен был там выполнить. Он должен был уйти туда на минуту. Мы сверили часы, сели вокруг стола (так как присутствие ежа тоже оговаривалось, нас было трое) и начали. Бог мой, как я боялся! Я поставил перед Тори три больших листа бумаги, которые были полностью закрашены в различные три цвета, и попросил его сосредоточиться. Он сел глубоко в кресло, откинулся на спинку, глубоко вздохнул и взглянул на бумагу...

Прошло десять минут. Мы сидели не двигаясь и ждали. Тори был неподвижен и если бы не открытые глаза, я подумал бы, что он заснул. Пошла четырнадцатая минута и я взглянул на Тори; не пора ли кончить опыт и попробовать в другой раз. Но Тори казался глубоко отрешенным и буквально впился взглядом в лист бумаги. Когда стрелка часов коснулась пятнадцати минут, воздух около него слегка колыхнулся и пахло теплом, а потом все стало опять нормальным.

- Ну вот и все! - сказал я.

С последним моим словом он исчез! Это произошло так неожиданно и быстро, что я и не успел ничего заметить. Мгновенная волна теплого ветра и его нет! Еж ощерился иголками и зашипел, а потом и вовсе отскочил подальше и там залег, мигая глазками и недовольно шипя. Секундомер отсчитал минуту и пошел отсчитывать вторую. Я вскочил и закричал: `Тори! Обратно!`

Толчок горячего воздуха был мне ответом и секундой спустя появился он. Он стоял рядом и держал меня за руку! Взяв мою руку он удивленно поводит по ней пальцами, покачал головой и присвистнул. Потом обошел обратно стол и повалился в кресло.

`Разговоров` было до вечера. Тори `говорил` путано и сбивчиво и было видно, что он много попридержал для себя. Единственное, что я хорошо понял, было удивление по поводу моей руки. Он утверждал, что как только почувствовал что `исчез`, он подошел ко мне и взял за руку. Его пальцы схватили воздух! Я был для него недосыгаем `оттуда`. Его руки проходили сквозь меня, не встречая никакого сопротивления. Однако все остальное не меняло своих свойств. Стол был как стол, кресло креслом и даже тепло от кончика моей сигареты было вполне нормальным. Создавалась весьма странная картина. Я его вообще не видел, он же меня видел, но подобно голограмме, не имеющей материальности. Все это нисколько не объяснило ничего, а еще больше запутало и без того непонятную загадку.

Проснувшись утром и позавтракав, мы решили дать себе отдых в

наших изысканиях и отправились к Тому. Том был старый мой знакомый еще с тех времен, когда мы жили в этом доме с Пат. На самом деле, он всегда был другом нашей семьи с того момента, как я переехал к ней, и говорил что наконец-то он видит нормального мужчину рядом со своей любимой крошкой. Сообщение о сумасшествии и смерти Пат он воспринял очень тяжело, и мне пришлось его отпаивать неделю прежде чем он поднял глаза выше земли и в них не стояли слезы. Долгое время у него не было никого, кроме нее, с кем бы он мог вообще общаться. Тот факт, что мы собирались здесь жить неопределенно долго,

его очень обрадовал, и вскоре мы стали лучшими друзьями. Тому было, наверное, за шестьдесят, но его боевой дух с этим мириться не хотел, и он постоянно был как заведенный мальчишка. И уж, естественно, Тори в нем души не чаял. Они, как дети, носились по берегу наперегонки, прыгали `кто дальше`, строили замки из песка и ракушек и чувствовали себя абсолютно на равных. Том нисколько не отставал от Тори в избытке энергии. К тому же Том взялся со своей стороны за `учебу` Тори, и они часами учились загонять крабов на берег, насаживать приманку на хитроумные приспособления, которые Том называл `удочками` и еще много чего в таком роде. Через некоторое время Тори надоело все время

`отвечать` ему через меня, и он взялся учить старика своему `языку`. Надо сказать, он делал в этом большие успехи.

В тот день мы, как обычно, приплыли к нему, я отправил Тори с Кактусом развлекаться, а сам пошел с Томом на маленький пирс поговорить, посидеть и сыграть партию в шахматы. Очень аккуратно я стал расспрашивать его; не видал ли он чего необычного поблизости. Среди рассказов о морских чудюищах и черепах древних переселенцев были и очень интересные факты. Например, он поведал мне о чудных огнях, что появляются около гор, обычно зимой, и по ночам светят как маленькие маячки. И еще он рассказал о присущей этой местности огромной молнии, которую видели многие местные жители в округе, и которая бывает только два раза в год, в одно и то же время, во время осенних и весенних штормов. Он говорил, что она похожа на сверкающую дорогу, уходящую за горизонт, за что и получила от жителей прозвище `дорога в рай`, а также утверждал что когда эта молния возникает, свет от нее подобен тысячи тысяч солнц и все море видно до горизонта как на ладони. Меня это очень позабавило, и я вознамерился обязательно подловить этот момент и посмотреть на это чудо, тем более до осенних штормов оставалось совсем немного. Том также обещал показать мне `маячки` в горах, если таковые появятся. Но ни о каких привидениях, призраках он не слышал. Когда я сказал ему, что видел, якобы, неких прозрачных невидимых `призраков` около моря, он очень удивился и подтвердил еще раз, что ни о чем похожем он не слышал. Я не мог, не имел права рассказать ему о Тори, но и из этого разговора было ясно, что ничего подобного он здесь не видел. Странные `гости`, которых чувствовал Тори, оставались полнейшей загадкой, ответ на которую мог дать только сам Тори, и неизвестно чего это ему стоило бы.

Глава 7.

Стояла глубокая ночь. Все было спокойно и ничто не предвещало никакой угрозы, как вдруг уши патрульной Птицы уловили еле различимую вибрацию воздуха. Вибрация из глухой и тяжелой постепенно стала повышать свою частоту, и вот уже возник еле слышный характерный писк инфразвука, слышимый только Птичьим слухом. Сигнал опасности нападения не заставил себя ждать. Тучи серебряных птиц поднялись со скал в воздух и выстроились там в боевом порядке. Они зависли неподвижно на высоте полу лиги и приготовились к обороне. Мохнатые степные кошки полусонные выползали из-под скал и испуганно тарачились в небо, понимая что Птицы зря такие парады устраивать не будут. Вибрация в считанные секунды выросла до тонкого писка, потом воздух над степью внезапно скрутился в вихрь, из которого стала видна еле различимая черная точка, растущая на глазах. В следующее мгновение все пространство, куда хватало взора, осветилось тысячью солнц и из черного провала ударила ослепительная белая молния, широкой лентой изогнувшись над степью, и ушла куда-то в горизонт. В ту же секунду из бездонного `колодца` посыпались градом бурые комья, ошетилившиеся длинными блестящими иглами.

- Призраки с шестого райдера! - крикнула Птица и, сложив крылья, камнем рухнула на врагов. Следом посыпался дождь серебряных крыльев и отточенных стальных клювов. Теперь уже и кошки, оскалив острые клыки, мчались к месту столкновения.

Слепняки, развернув свои смертоносные парализующие глаза, летели по высокой траве на своих тонких паучьих ногах. Из нор вылезли мохнатые шершни и, с

нарастающим гулом набирая скорость, неслись на таран к все более растущему числу призраков. Прошло меньше полу заката, прежде чем врагов оттеснили на предельное расстояние от межрайдерного тоннеля и они обратились в бегство. Когда последний уцелевший призрак переступил черту `перехода`, раздался вибрационный визг, перешедший мгновенно в низкий гул, и черное окно тоннеля стало стягиваться. Как только воздушный водоворот исчез, Птицы с победным криком развернулись и стали рассеиваться в разных направлениях. Воздух наполнили тысячи голосов, певших песню победы. Жители пятого райдера возвращались по своим домам. Через некоторое время все уже спали, и только патрульные Птицы барражировали над степью. Две из них сблизились, и одна пропела другой:

- Если бы с нами по-прежнему была ОНА, у нас такие вещи происходили бы много реже!

- Это уж точно! - подтвердила вторая и, развернувшись, полетела на более низкий ярус воздушного потока.

- Будем надеяться, что зимой они не сунуться! - пропела ей вслед первая и стала набирать высоту. Приближалось время утренней смены патрулей. Мир мог спать спокойно...

Я стоял на берегу и любовался фиолетовым закатом. Отец занимался делами по дому и не мог мне помешать. Я `сделала` воздух до предела оранжевым и послала сигнал закрепить этот цвет. Воздух `качнулся` вокруг меня и все стало стабильным. Я понял что исчез. Успокоив нервы, я оглянулась. Горы приобрели золотистый оттенок, деревья на аллее стали белыми, а оранжевый туман оказался намного прозрачнее, чем обычный. Опять навалилась тишина. Не было слышно ни крика чаек, ни шума ветра. Волны с пугающей безмолвностью накатывались на камни. Здесь я могла спокойно посидеть и понаблюдать. Судя по часам прошло около пяти минут. Я пыталась найти хоть какое-то отличие от `нормального` мира и не могла его найти. Я прислушался.

Ничто не нарушало гробовой тишины, которая разлилась по миру. Хотя нет, где-то уловился еле слышный звук. Он был похож

на шуршание бумаги и на треск электричества одновременно. Тут меня отвлекло изменение в пейзаже. Я увидела маленькие огни, которые, мигая, перемещались вдоль подножия гор туда-сюда. Их было не меньше двадцати. Они появлялись из ничего и в ничто превращались, пролетая какое-то расстояние. И вот тогда я увидел сцену, которая никак не поддавалась объяснениям. Шуршание и треск, про которые я забыла, стали отчетливыми, и, вдруг воздух колыхнулся метрах в ста от меня. Это было настолько похоже на мой собственный `переход`, что я сразу покрылся мурашками и от испуга присел. Однако никто не появился, а туман уплотнился в этом месте, и некое колышущееся облако зависло в метре над землей. В тот же момент я увидел мельком еще два-три появившихся таких же сгустков воздуха с характерным колыханием, при котором перспектива предметов начинала меняться. Я долго об этом рассказываю, на самом деле все произошло в считанные секунды. Почти сразу же из этих облаков сконденсировались шары. И тут из одного шара в сторону огоньков, с быстротой молнии метнулось что-то длинное и блестящее. Подобно длинному щупальцу оно ткнулось в один из огоньков, и он, вспыхнув, исчез. А затем, в последующую секунду, последовала беспорядочная `стрельба` по огням. В мгновение ока все огни были `расстреляны`, и шары, полыхнув волной горячего воздуха, исчезли. Воцарилась тишина. Я, оцепенев, сидела на корточках, спрятавшись за песчаный замок, который так долго строила. Меня била нервная дрожь, зубы стучали. За этим всем я и не заметил, как со стороны дома приближался отец. Кажется, он искал меня. Я поняла, что остаться незамеченным мне не удастся, так как следы моих ног остались бы, если я надумала бы бежать. Когда отец подошел совсем близко, я отступил в набегающую волну воды, а затем, как только он повернулся спиной, `вышел` на видимую сторону.

Несколько опытов, которые мы провели после этого, убедили меня, что в случае опасности отец мне оказать помощь `там` не сможет. Я согласился делать это только при нем, хотя понимал что, в сущности, это положения не меняет. Спустя несколько дней отец рассказал мне об историях Тома про мерцающие огни в горах. Я подтвердила их существование. Оказывалось, они были видны и обычным зрением. Было вполне возможно, что Том с такого большого расстояния не мог заметить других `гостей`. Это надлежало выяснить, и мы стоворились с отцом проследить, как и когда эти `охоты` происходят, чтобы отец и Том посмотрели на это все со стороны. Наконец-то мы займемся настоящим делом! Мы решили ходить каждый день на это место в одно и то же время и наблюдать.

Результаты оказались неожиданными. Практически, каждый день мы замечали один или два огонька. Но они быстро возникали и, почти сразу же, гасли, и, сколько мы не ждали, больше их не было. Проведя такую разведку, мы порешили ехать к Тому.

На следующее утро мы собрали кое-что из еды, взяли свежие газеты для Тома и отчалили. Он встретил нас на пирсе. Он всегда выходил нас встречать, видя нас в бинокль чуть ли не отплывающими от дома. Поздоровавшись, мы отправились на берег, где, к нашему изумлению, Том подошел к старому пепелищу костра и, разворошив его, достал десяток яиц.

- Печеные яйца, крабы и доброе вино времен царствования великого короля, врать не буду, не помню какого! С этими словами он направился к дому. От такого угощения было трудно отказаться

и мы направились следом. Сев за стол отец хотел спросить что-то Тома, но он прервал его:

- Сначала морской салат, крабы, потом яйца и вино, а уж потом разговоры.

Мы `вылезли` из-за стола часика через два. Кактус все еще уплетал свое угощение из стуженного молока и клубничного варенья. С видом знатока он, не торопясь, похрюкивая и причмокивая, смаковал эту смесь, от которой даже у меня, наверно, слиплось бы все что можно. Я углубился в кресло с банкой манго, а Том и отец налили себе вина.

- Ты не шутил, когда говорил об огнях, что появляются у гор? - спросил отец. - Мы видели нечто подобное несколько дней назад, и я сразу вспомнил твой рассказ. Я хотел бы какие-нибудь подробности об этом явлении.

- Ну, я не так много знаю, сколько видел. - ответил Том.

- А как давно это здесь?

- Да сколько себя помню, да вот еще и мой дед говорил об этих огнях. Правда, они не очень их жаловали. Сам понимаешь, суеверия там разные.

- А были поводы?

- Абсолютно никаких! Они никогда ничего плохого не приносили и не предвещали. Один инженер даже приезжал, говорил что это все от смещения пород в скалах. Потом приехали какие-то пижоны с приборчиками и сказали, мол, это все ерунда. Стоят и стоят, ничего там не смещается.

- Ну и чем кончилось?

- А тем и кончилось. Оставили все как есть да и забыли. Разве вот только детишек иногда пугают.

- А рядом с огнями ничего больше не видели?

- Да нет, никогда. А что?? - Том настороженно взгляделся в лицо отца. - Никак вы что нашли?! Клад какой?

- Нет, Том, клада мы не нашли, но кое-что имеется. Если уж так интересно, поехали да посмотрим.

- А что смотреть-то будем?

- Да вот паренек мой кое-что подсмотрел.

- Ну тогда, конечно, поехали.

- Единственное препятствие. Нам придется ехать не на один день.

- Вот даже как! Ну теперь я уж точно не откажусь. Значит дело стоит. Не будем терять времени!

- Не так быстро, ехать нужно к вечеру. Виднее будет. Я думаю часам к семи в самый раз, а то в восемь уже темнеет.

- Тогда чего вы раньше времени взбаламутили меня?! Идем на берег. Сегодня у меня для вас обширная программа развлечений на воде. У нас еще пол дня впереди.

Весь день мы втроем (я, отец и Том) были заняты боями на надувных шинах. Как угорелые мы носились в полосе прибой, бешено молотя руками, и кидая друг на друга лассо. Было очень весело, и мы даже на время забыли о деле, что предстояло нам вечером. Том был в старой ободранной шляпе, которая была утыкана перьями, облезлой половой тряпке, которую он называл `пончо`, и в набедренной повязке. Мы с отцом тоже нацепили тряпки вокруг пояса, раскрасились с ног до головы `боевым рисунком каманчей` и воткнули перья в веревки, обвивавшие наши головы. Еще смешней было то, что `боевой рисунок` под брызгами превратился в сплошную разноцветную кляксу. Если бы кто увидел нас в этот момент, наверняка принял бы нас за, уцелевших чудом, дикарей-

людоедов, разъезжающих на автомобильных шинах по волнам. Том был старый стратег и необычно хитрый на выдумки, отец же был самый быстрый из нас, а я мог только увертываться от них, и в этом я немало преуспел. Старик казалось шутя играл лассо, улепетывал от нас, делая отчаянное лицо, потом резко разворачивался и взмахивал рукой. Лассо молнией пролетало метров десять-пятнадцать и послушно обвивало кого-нибудь из нас. Я не заметил, чтобы он хоть раз промахнулся. В этот миг в голове у меня возникла идея, касающаяся меткости Тома. Она могла нам очень пригодиться.

Пока мы играли, еж деловито сновал по куче сваленных на берегу водорослей и отыскивал мелких рыбешек, застрявших там. Для него не было прекрасней запаха, чем ужасная вонь разлагавшихся на солнце водорослей. Хотя нет, любимым его запахом был запах хвои, которой ему устилали корзинку, где он спал и в которой ездил. Хвои здесь не было, но отец, когда ездил в поселок за едой, топливом и пресной водой, покупал там у кого-то хвойные ветки, иногда сосновые, иногда пихты. Очевидно это ему доставала тетя Денни, которая с ума сходила по всякой живности и всегда держала у себя дома кошек, собак, птиц, змей и еще уйму всяческих представителей фауны, включая блох и клопов. Отец только раз брал меня в поселок, боясь, как бы я вдруг не растворился на глазах у всех.

Из всего увиденного, тетя Денни поразила меня, конечно, больше всего. У меня аж голова кругом пошла от количества и разнообразия зверей у нее в доме. Охранявшая дом собака сменилась кошкой, охранявшей коврик, об который следовало вытирать ноги, а затем попугай с люстры провозгласил `здравствуйте, дорогие гости!`, и они вместе с вороном дружно закружились вокруг люстры. Главной достопримечательностью был конечно удав, унаследовавший фамилию великого писателя и звавшийся Шекспиром. Он гордо возлежал посреди комнаты, и в его глазах, казалось, застыл вечный вопрос: `Быть или не быть?`.

Тетя Денни стала, естественно, главной почитательницей нашего ежа и, в дальнейшем, всегда посылая ему с папой всяческие лакомства, справляясь о его самочувствии и настроении. Папа, в свою очередь, тоже иногда возил Кактуса в гости к ней, где он, кстати, приобрел себе большого друга в лице (кого бы вы думали?) серого кролика.

Так вот, пока Кактус копался в `дарах моря`, уже наступил час отплытия. Тут-то я и предложил: а не попробовать ли Тому поймать `призраков` чем ни будь? Отец согласился и передал Тому, что, возможно, нам придется кое-кого половить. Глаза у Тома еще больше разгорелись:

- Охота?! Э-хе, что ж вы мне сразу не сказали! Крупная ли дичь?

- Том, единственное, что мне известно; если мы не поймем его с первого раза, последствия могут быть непредсказуемые!

- Я окончательно запутан, заинтригован и, как никогда, заинтересован его поимкой. Но почему его нельзя просто убить?

- Я просто не знаю, что его может убить!

Глаза Тома окончательно приняли форму круга, и он прошептал:

- Стало быть, этот кто-то трудно убиваем, да еще и опасен! Ничего подобного в нашей округе не водится, кроме акул, но я никогда не слышал, чтобы акул ловили в горах.

- Меньше слов. Отплываем.

- Ох, темните вы, друзья! Но тем интереснее! Вперед.

Когда мы прибыли на место, то сразу заметили огонек, метавшийся метрах в ста от нас, который, попеременно исчезая и появляясь, скользил по камням, с которых, в свою очередь, начинался отвесный подъем в горы. Том совершенно не удивился, а лишь заметил:

- Это действительно они. Удивляюсь, как вам на них везет. У меня там они все-таки редкость.

Потом он стал распаковывать палатку. Я пошел собрать сучьев для костра, ибо море их в избытке выбрасывало на пляж. Палатку мы поставили точно на том месте, где я тогда их видел и, забравшись вовнутрь, стали наблюдать.

- Не огни ведь эти мы будем ловить?! - воскликнул Том.

- Том, терпение. К сожалению, я не могу тебе сказать всего, но, когда я подам знак, попробуй внимательно понаблюдать и, если что увидишь необычного, кроме огней, знай что ловить нужно именно это.

- Неплохо объяснено. Надеюсь, результат будет оправдан!

- По крайней мере, если мы с тобой хотя бы их увидим, то, даю слово, тебе будет много тем для твоих рассказов!

- Идет! Тогда сидите тише, а то гремите как слоны, зашедшие в чашу кактусов. Кстати, а где Кактус?

- О! Он главный наблюдатель. Я думаю, уж он-то их учует!

- Это точно.

Но, увы, мы пролежали в палатке весь вечер и, кроме еще двух огней, ничего не увидели. Следующий день тоже прошел безрезультатно. Отец высказал мысль, что может быть, мы их спугиваем. На что Том ответил:

- Я согласен проваляться здесь месяц, лишь бы узнать, что это вы так скрываете.

- Ха-ха! С таким подходом к делу, им не уйти!

Я тоже посмеялся над азартом Тома. Теперь его было не вытащить отсюда. Он действительно был готов здесь пролежать месяц, лишь бы дожидаться чуда.

Но, наконец, мы были вознаграждены. На третий день, ближе к вечеру, Том, дежуривший у выхода из палатки, вдруг пробормотал:

- Черт возьми, посмотрите, сколько их!

Мы столпились у выхода. Огней было, наверное, под тридцать и они сплошным искрящимся туманом резвились на камнях. Отец подмигнул мне и сказал:

- Тори, пойді прогуляйся!

Том удивленно воззрился на него.

-Сейчас?!

-Так надо, Том. Все будет нормально. Теперь смотри в оба. Том молча кивнул и подвинул к себе свернутую сеть, сделанную из тонкой проволоки со свинцовыми грузами по краям.

Я выскользнул из палатки, обогнул ее и присел на корточки. Вынув из кармана ярко-красный лист бумаги, я приколот его на стенку палатки и сосредоточился. Лист окрасился по краям зеленым, а потом стал фиолетовым. Я закрепил перед глазами этот цвет и оглянулся. Все шло хорошо. Золотистые теперь горы освещались слегка фиолетовым светом солнца, а огоньки стали ярче и четче. Я напрягся и мысленно послал сигнал стабилизировать цвета. Желтоватый воздух дрогнул, все окружавшее меня покачнулось, а затем я сразу услышал какой-то писк. Он висел на одной ноте и сверлил уши, проникая в голову. Мысли стали путаться. Я поморщилась и стукнула два раза по каркасу палатки. Затем я стала внимательно всматриваться в тени деревьев. Сквозь

них хорошо были видны огоньки, беззаботно играющие на склоне горы, но в тени самих деревьев было все видно очень плохо. Я замерла и расслабила зрение. Секунды четыре, может больше прошло, прежде чем краем глаза я уловил некоторое изменение в общей видимой картине. Тень одного из деревьев странно скакнула в сторону, тут же я заметила еще такие же сдвиги. И тут я понял: `они` висели прямо за деревьями. Стустки воздуха висели, колышась, над самой землей, сливаясь с тенью от стволов. Я, стараясь не паниковать, стукнула по основанию палатки два раза.

- Сколько их? - послышался еле слышный шепот отца.

Я выглянула из-за палатки. Один... два... три... Их было не меньше семи-восьми. Я не сомневался, что многих не вижу. Я отстукал восемь раз, приник к палатке и прислушался.

- Том, они здесь и их много. Смотри внимательней и будь осторожен!

- Ни черта не вижу! Огни - да! Но кроме них никого.

- Тори! Они дальше половины расстояния до огней?

Я дважды стукнул.

- Значит ближе. Перед аллеей?

Я снова дважды стукнул.

- На ней?

Я стукнул один раз.

- Под деревьями, да?

Я подтвердил.

- Том! Они под деревьями. Осторожно!

Меня удивило, что вот уже минуты три ничего не происходит. Огни все также плясали, к тому же увеличиваясь в числе, а `гости` не предпринимали никаких действий.

- Ронни! Я ничего не вижу.

- Они здесь, Том. Тори не ошибается.

- А, так значит он их видит?

- Да.

- Хитро что-то. Ладно, посмотрим сейчас, как они отнесутся к моим...

Блестящие молнии, издавая треск и шуршание, вылетели из-за деревьев, переплетаясь в некое подобие сети. Их было около десятка, а может и больше. Эдакой плоскостью `в клеточку` эти штуки накрыли огни и мгновенно исчезли вместе с ними. Единственное, что я увидел, было вспышкой света и все кончилось. Все произошло меньше чем за секунду. Однако, я успел заметить кое-что. Молнии не били по огням и не исчезали как таковые. Они обладали `обратным ходом`. Каждая эта блестящая штукovina достигала огонька и, ткнувшись в него, возвращалась в `облако`.

- Дьявол! Никогда ничего подобного не видел!

С этой фразой с другой стороны палатки мелькнул комок, тянущий за собой тонкую нить. Еще в воздухе он развернулся сетью и точно накрыл одно из `облаков`, которые к тому времени все еще продолжали висеть. Сеть не встретив препятствия, упала на землю. Не прошло и секунды, как над моей головой мелькнули две `молнии` и ткнулись в пустоту где-то за моей спиной. Я вжалась в землю и подумала, что если бы они скользнули чуть ниже, возможно, ни меня ни отца ни Тома вместе с палаткой уже бы не было. К счастью, они не могли, по-моему, `унюхать` нас. Я тихонько постукал по краю палатки.

- Тори! Они еще здесь?

Я стукнул.

- Что делать?!

Я прошуршал ногтем по материи.

- Хорошо. Мы не двигаемся.

Обстановка накалилась. `Тени` заметались, и мне показалось, что они что-то замышляют. Я так и сидел, представляя, как они рыскают глазами, если, конечно, они были у них, в поисках покушавшегося на их, так сказать, сородича. Но в следующее мгновение воздух колыхнулся, и все деревья, казалось, стали плоскими. Послышалось шуршание и все стихло. Я тоже `перевалился` в видимость, поднялся на отеки от сидения ноги и подошел ко входу в палатку.

- Они ушли? - отец с Томом, озираясь, вылезли на свет.

- Ну и чертовщина! Как на фронте снова побывал!

Я вопросительно посмотрел на отца.

- Тори, я видел только какие-то блестящие нитки, которые неплохо ориентируются.

- Особенно, если кого надо прикончить! - закончил Том.

Я `нарисовала` в воздухе облако.

-Нет. Их самих я не видел. Даже момент их исчезновения я не уловил, хотя смотрел `во все глаза`.

- Ну вы меня напугали! Я уж думал, конец старику настал! Пули избежал, так лазером ихним чертовым теперь достанут! -Том, чертыхаясь, все еще озираясь по сторонам. Я подошел, тронул его за плечо и мотнул головой.

- Э-э, малыш. Это, может, ты их больше не видишь!

Я упрямо мотнул головой и глянул на отца.

- Ладно. На сегодня приключений хватит. Сворачиваемся.

Через полчаса мы уже шагали к нашему дому

Быстро стемнело. Мы разожгли камин, так как осень была уже на подходе и было холодновато. Укрыв ноги пледом, мы постепенно отходили от наших переживаний.

- Да, ребятки. Здорово вы повеселили старика! - сказал Том, отхлебнув бренди. Лет десять уже ничего не происходило у нас в глуши, стоило только вам тут появиться - и на тебе!

- Ты же сам хотел посмотреть. - ответил отец.

- О, я нисколько не жалею. Наоборот, я уж это дело так не оставлю. Мне надо только слегка отойти, а потом я что-нибудь придумаю супротив ихнего электричества.

- Том, возможно, это совсем не электричество.

- Неважно - против Тома ничего еще не выстаивало. Единственное, что мне не понятно, при чем тут Тори?

Он повернулся ко мне и подмигнул:

- Возможно, ты не так прост, малыш. А?

- Том! Я не хотел тебе ничего рассказывать, да и долгая слишком история получится.

- Ты не бойся. Я держать язык за зубами умею, а уж насчет времени, у нас его вагонов сто, не меньше.

- Ну, смотри. Сам напросился.

По мере рассказа Том все больше округлял глаза и все чаще поглядывал на меня. К концу рассказа он повернулся ко мне и сказал:

- Стало быть, здравствуйте, мистер инопланетянин!

Мы с отцом захохотали, а Том сидел с ошарашенным видом и все не мог поверить.

- Не может быть! Я уж наслушался сказок про телепатов и про всякую чертовщину. Но чтобы мальчишки исчезали среди белого дня?! Не верю!

Я, смеясь, посмотрела на отца и подмигнула.

- О`кей! Только одно условие. Том, ты обещал, с этого дня ты - могила за семью замками!

- Если это не вранье, то уж я буду не более разговорчив, чем наш повесившийся Эдд Паркер!

- Идет. Тогда попросим Тори продемонстрировать. Только, Тори, не более, чем на минутку!

Я кивнула. Затем достала тот самый красный листочек и поставила его посреди стола.

- Том, отодвинься, а то обожжешься. Воздух `слегка` теплеет, когда он это делает.

- Если не трудно, ущипните меня заранее.

Я сел в кресло и знаком потребовал тишины. Затем в течении минуты я меняла цвета у себя в глазах и, когда достигла нужного, послал сигнал закрепиться. Комната послушно дрогнула и, став на секунду плоской, опять стала нормальной.

- Виски! - прошептал Том - Дайте мне виски!

Когда он, не отрывая взгляда от моего кресла, поднес бокал ко рту, я протянула руку и постучала по бокалу. Он выронил его, расплескав виски на пол. В следующую секунду я стал видимым и взял его за руку. Он ошалело смотрел на меня.

- Не верю! У меня что-то с глазами, наверное. Хотя, а черт, конечно, верю. Господи, что ж тут еще скажешь! Но где же ты, когда тебя нет? Отец объяснил, что видимо сдвигается какой-то слой пространства или что-то в этом роде.

- Вот что я тебе скажу, Ронни. Все что я видел в жизни не стоит и цента по сравнению с этим! Я ваш должник по гроб жизни. А ты, Тори, можешь быть уверен, что лучшего друга и защитника тебе не найти.

Я показал ему, что и не сомневался в этом никогда.

- Да я теперь этих тварей просто в море утоплю!

Я `сказал` что, может, просто оставить их в покое? Но отец возразил:

- Это было бы хорошо, но никто не даст гарантии, что в следующий раз они не решат поохотиться именно на тебя! А поэтому мы хотя бы должны знать средство, которое их отпугнет, если не уничтожит.

- Вы можете рассчитывать на меня в этом вопросе. Уж я специалист по пиротехническим изобретениям.

- Не сомневаюсь, Том.

Я подошел к Тому и пожал ему руку. Нас стало трое против неизвестно чего.

Глава 8.

Тори исполнилось восемь лет. Он давно обогнал своих сверстников по развитию своего ума и интеллекта. Это был уже почти совсем взрослый человек. Он, конечно, ничего не смыслил в политике, географии, химии и почти столько же смыслил в спорте, как в явлении социальном. Зато в психологии и философии с ним могли бы потягаться многие. Его ум начисто отшел все точные науки, зато проявил интерес к педагогике, медицине и, более всего, к зоологии и ботанике. По сему, он днями пропадал на море, отыскивая всякие неизвестные ему вещи, и тут же бежал ко мне за разъяснениями. Чтоб не ударить лицом в грязь я ударился в изучение зоологии и ботаники. Посильную помощь в моей педагогической практике предложил Том и, надо сказать, самую трудную задачу он взял на себя. Он решил обучать Тори физкультуре и спорту! Не ясно было до конца, кто же там кого

учил, но у меня хоть появилось много свободного времени. Я часто ездил в поселок и возил с собой Кактуса. Он стал завсегдатаем заведения `у тети Денни` и, можно сказать, постоянно там ошивался, пока я ездил по делам. Когда я забирал его оттуда по дороге домой, его маленький животик приобретал очертания огромного пузыря и его полу прикрытые глазки свидетельствовали, что он вполне доволен проведенной вечеринкой. Его дружок кролик, наверно, тоже был не дурак похрумкать на халяву и на этом они сошлись. Было умилением смотреть, как эти два обжоры сидели рядышком, задумчиво лопали угощение, и иногда поглядывали с любовью и нежностью друг на друга, как бы говоря: `Весь мир - суета. Что может быть в наше время важнее сытного обеда?!` Когда же трапеза была окончена, они валились друг на друга, точнее бок к боку, и мирно похрюкивая засыпали.

Тори неплохо научился управляться с лодкой, и после нескольких контрольных выездов я разрешил ему проехаться к Тому. Том подстраховывал его у себя на пирсе, но все прошло как нельзя лучше. Через пару дней я уже не боялся в тихую погоду отпускать его одного `на уроки`. Физкультура их была весьма сомнительна. Тори то и дело приезжал весь перепачканный и пахнущий пороховой гарью, но с таким довольным лицом, что я не стал уж особо серьезничать по этому поводу. Все таки, Том был надежным воспитателем и никак бы не допустил чтобы Тори подвергался опасности. Он наконец-то нашел верного

наследника, чтобы передать свои `вредные` знания. Лучшего мастера ловить, стрелять, взрывать, драться и выслеживать не было, наверно, в целом мире. Я уже не удивлялся, когда, выходя утром из дома, Тори вдруг наклонялся к земле и, что-то понюхав и осмотрев, `заявлял` что в двухстах метрах к северо-востоку между тремя и пятью часами утра змея поймала мышь. Я всему верил по той причине, что верил в учение Тома и потому что Тори вообще никогда не врал. В конце концов, никто не знал что было суждено Тори испытать в дальнейшей жизни, а посему он должен был быть готов ко всему. Самым сложным мне представлялось его будущее общение с людьми. Его `странность` проявляла иногда свое несогласие к подчинению, и пару раз в месяц он `исправно` исчезал совершенно не к месту и не ко времени. Объяснить он этого не мог, как и не мог предотвратить. По этой причине его выезд `в люди` откладывался на неопределенное время. Казалось, Тори нисколько этим не был огорчен. Скорее наоборот, он был рад сидеть в этой глуши хоть всю жизнь, тем более он вообще относился к людям с заведомой враждебностью, а я еще не забыл как он вышвырнул двух федеральных агентов с порога дома. Занимая все свое время лазаньем по горам, ползаньем по пляжу и изучением учебников, он совершенно не чувствовал себя одиноко. Я и Том старались во всем ему помогать и быть его друзьями. Старик, между прочим, показал нам знаменитую в этих местах гигантскую

молнию, и в очередной раз доказал что его сказки имеют твердое основание. Зрелище было колоссальным. Страшный шторм трепал море вторую неделю, и серые клочья пены и брызг, казалось, наполнили собой все пространство. В один из таких дней Том пришел к нам пешком, что было крайне долго и далеко, и войдя в дом прямо с порога выпалил

- Насилу добрался! Седлайте, господа. Старики на верфи говорят, что сегодня лунный День Просветления.

- А что это?

- Что, что... `Дорога в рай` сегодня появиться! Бегом.

Под проливным ливнем мы выбежали на побережье. Том посмотрел на хронометр.

- Минут через двадцать должна бабахнуть.

- Неужто и время всегда одинаково? - скептически спросил я.

Не всегда. Но старики никогда не врут. Сказали - будет!

И вот минут через пятнадцать-двадцать мы увидели ее. Где-то посередине аллеи, в полукилометре от нас возникло свечение, сопровождающееся странным переливчатым звуком, а затем она оттуда бабахнула! Ну я вам скажу, это было похоже более всего на нейтронную бомбу. По крайней мере, я ее именно такой себе и представлял. Огромная белая дуга, изогнувшись радугой, широкой полосой ударила с берега куда-то за горизонт. В этот миг было впечатление, что зажглись солнц эдак десять в зените. На всем протяжении моря, куда хватало глаз, дно было как на ладони. В течении секунды она как бы перетекала за горизонт и совсем ушла. Я настоятельно попросил Тома предупредить нас, когда ее ждут в гости в следующий раз.

- Старики говорят, что души умерших покидают эту землю осенью, а весной прилетают очищенные.

- Стало быть, весной?

- Теперь только весной.

-Ну, на этот раз я подготовлюсь чтобы запечатлеть эту сияющую гостью.

Том только перекрестился и пошел к дому. Так состоялось наше первое знакомство с этой `райской дорогой`.

Поздняя осень сменялась зимой. Зима в этих местах была не столько холодной, сколько промозглой. Мокрый снег, облепляющий все что можно, сильный ветер и пять-десять градусов ниже нуля. Даже эта температура была редкостью и море не успевало замерзнуть. Развлечений не было никаких, кроме как снежные битвы, да и то из-за мокрого снега все были к концу побоища совершенно мокрыми. Я не понимал, как Том мог жить один зимой. У него дом стоял как раз на выступающем в море откосе, и ветра продували его насквозь, откуда бы не дули. До поселка от нашего дома можно было добраться и по суше, но от дома Тома это представлялось более чем трудным. Выйти в море в такую погоду было не очень привлекательным шагом. Серые волны, которые гнал северный ветер, были достаточно большими, чтобы запросто опрокинуть лодку, а в ледяной воде плавать никто не хотел. Тем не менее, старик плавал к нам в гости, примерно, раз в неделю. Занятия у Тори шли успешно, и я уже начал подумывать о сдаче экзаменов в подготовительный лицей. Но как назло, в самый разгар моих подумываний, Тори вдруг выкидывал свои `шутки` с исчезновением, и все планы рушились. Недавно мы опять устроили `облаву` на `привидений`, но никаких результатов не добились. Зимой `огней` было очень мало, а наши `потусторонние друзья`, очевидно, не имели желания гулять тут на холоде. Том, в свою

очередь, перепробовал всяческие свои уловки в надежде `поймать и посадить на цепь енту приведению`. В конце концов, `енто привидение` увело у нас палатку со всем содержимым, случайно попав в нее щупальцем. Том был просто взбешен. Он обложил `ЭТО` во весь голос матом, чем крайне позабавил меня и удивил Тори, который никогда не слышал подобных слов. Все было напрасно. Эту гадость не брало ничто. Вот и теперь, когда снег потихоньку стал покрывать берег, Том вознамерился продолжать свои эксперименты. С течением времени, я стал замечать что Тори чем-то обеспокоен. Он стал часто подолгу сидеть в комнате, и, однажды зайдя к нему, я обнаружил его сидящим у окна с альбомом в руках. Картинки в альбоме были настолько несхожи с пониманием восьмилетнего мальчика, что я засыпал его вопросами. Тори же ответил, что его стали беспокоить сны. Сны его отражались на бумаге как нечто, похожее на тоннель метро. Эта картинка чаще других проявлялась в альбоме. Он объяснил, что его кто-то все время зовет ночью, и зовет именно из этого тоннеля. Мы прошли в гостиную, и я показал ему иллюстрацию тоннеля метро в проспекте города Чикаго. Он ответил отрицательно, но пояснить что-либо не смог. Может стоило рискнуть пригласить опытного врача психолога? Я решил подождать еще пару недель и посмотреть как будут развиваться события.

Внутренний мир Тори, казалось, был одновременно и очень взрослым и очень детским. При полном понимании глобальных вещей он обнаруживал совершеннейшую невозможность мышления над конкретной задачей. Спичка в коробке его не интересовала так, как сам коробок. Он свободно истолковывал свои взгляды на человеческое поведение в целом, и очень затруднялся что-либо сообщить о той же проблеме, связанной с одним человеком. Прибавьте к этому полное согласие в отношениях с животными и резкое отрицание людей как представителя другого вида. Он ставил всех на один уровень, и в наших спорах, часто доказывал мне несостоятельность доводов в пользу человека, как в нечто высшее. Я пробовал объяснить ему, что, мол, человек наделен разумом, а посему хозяин в этом мире, но Тори улыбался и невзначай поправлял меня; не хозяин, а слуга. Это однако, не мешало ему командовать Кактусом, и если бы тот был побольше, то можно было бы смело одеть ему каску и произвести, по самым скромным моим подсчетам, в генералы.

К концу месяца я уговорил Тори показаться врачу. Тот, осмотрев Тори и основательно поговорив с ним, сделал вывод, что, возможно, именно отчуждение от людей вызвало некоторые сдвиги в психике, а отсюда вытекали и сны Тори и его подавленное настроение. Я хорошо ему заплатил, предупредив, чтобы он поменьше болтал о мальчишке и уверил его, что в будущем мы будем обращаться только к нему.

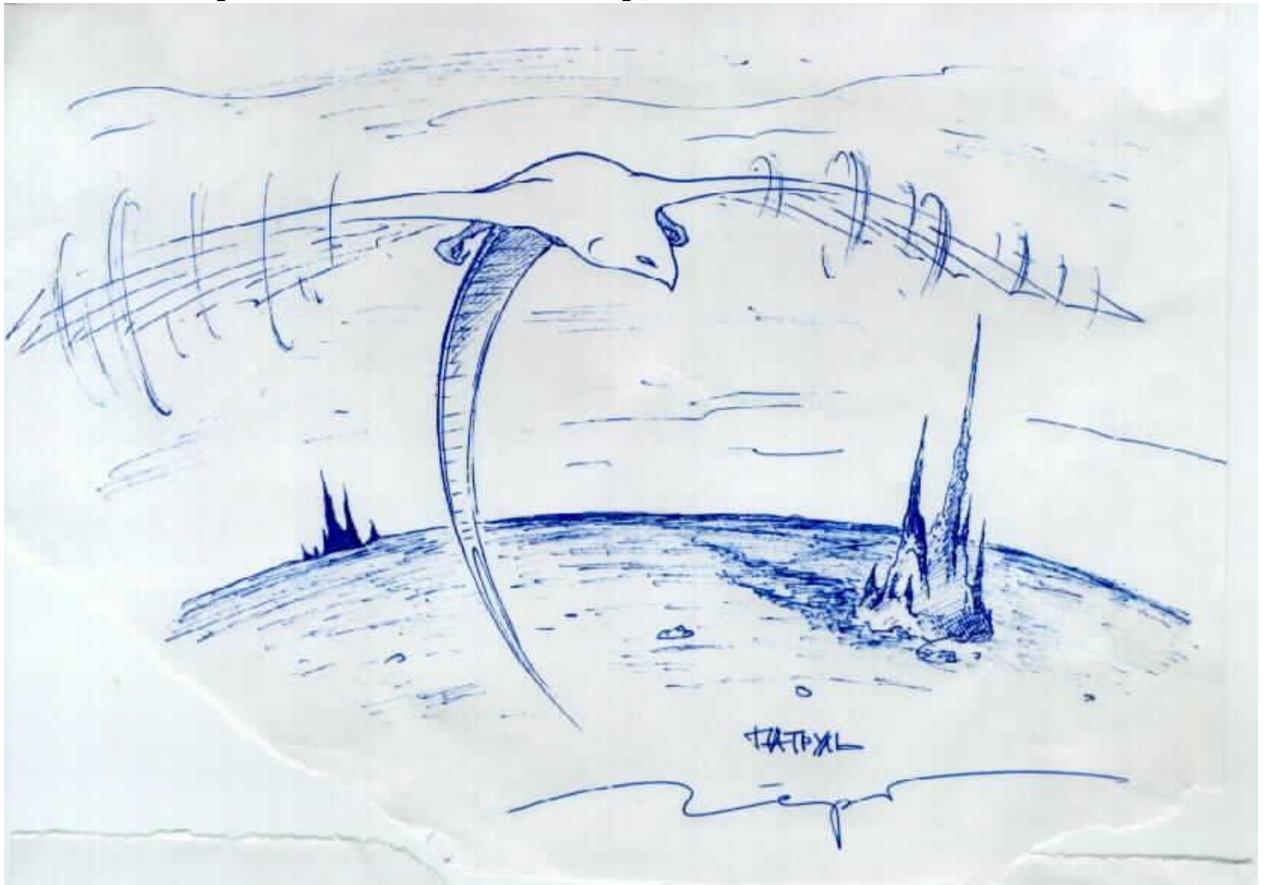
Я часто в уме проводил соотношение `ненормальных` людей к общей массе людей. С удивлением я замечал, что чем больше людей ты знаешь достаточно близко, тем больше понимаешь, что все они в некоторой степени страдают отклонениями от нормы. У каждого отклонение это может быть совсем незаметным, но если присмотреться - их набирается достаточно для обращения человека к медицине. Со временем я совершенно потерял чувство какой-либо стабильности в этом отношении. Тори это касалось в первую очередь. Все более я стал относиться к его странностям, как к должному. Здесь, оторванный от остального мира, я ярче чувствовал сплоченность людей там, за границей гор. Придет,

наверное, день, когда ум каждого человека забьется в непонимании этой самой точки отсчета общепризнанной нормы. Изучая историю, можно заметить как разобщенность во взглядах на поведение и психологию увеличивалась с течением времени у всего населения нашей планеты. Пройдет совсем немного времени и само слово `ненормальность` придет в состояние утилизации, ибо уже никто не сможет с точностью сказать; нормален ли он сам?

Психика каждого человека складывается из столь многих факторов, таких как окружающие люди, местность проживания, преобладающая погода и многих других, что остается только изумиться столь похожим поведением людей в целом. Случай с Тори лишь доказывал возможную вероятность появления подобного отклонения у каждого из людей. Возможно, отклонения у людей развиваются параллельно развитию у них интеллекта. Возможно также, что уже к данному времени все люди видят мир вокруг себя сугубо индивидуально. Может уже сейчас кто-то выглянет в окно и увидит синие деревья с лиловыми листьями? Я все больше убеждаюсь, что увидеть может каждый, нужно лишь суметь правильно посмотреть. Попробовать что ли?

Глава 9.

Белое солнце уже наполовину опустилось за горизонт, а Зеленое еще не вставало, когда патрульные Птицы сообщили о появлении первых снежинок. Зима вплотную подошла к границам степей. К восходу второго солнца Птицы собрались на первом ярусе скал на совет. На возвышении расположились Древние. Все ждали их решения. Наконец, посоветовавшись, они согласно закивали головами, и одна из Древних Птиц вышла в круг.

- Совет решил в течении двух дней известить весь спектр скал о межрайдерном перелете на время зимы. Время сбора назначено на восход первого солнца второго дня. Кошки остаются охранять

скалы. Собирайтесь. Местом зимовки избран второй райдер. Именем Королевы Пятого райдера объявляю об осеннем перелете. Спустя некоторое время, патрульные Птицы уже неслись в разные концы оповестить всех Птиц, живущих на соседних скалах, о времени отлета.

- Что если Королева вернется во время зимы? - спросила одна из Древних.

- Я думаю, что кошки сумеют уберечь ее до нашего возвращения. Тем более, еще рано. Прошло всего восемь зим с момента ее ухода. Обычно на ее новое перерождение уходит зим двадцать-сорок, - ответила другая.

- Откуда ты знаешь? Ты уже видела ее перерождение?

- О, нет! Мы слишком мало живем, чтобы увидеть хотя бы два ее перерождения. Но Хранители Королевской Памяти говорят, что в прошлый раз она отправилась перерождаться на девятый райдер и вернулась через десять зим, а теперь она ушла на третий райдер. Стало быть, зим через двадцать, не раньше.

- А кем она вернулась после девятого райдера?

- Говорят, огненным зверем.

- Как же с ней управлялись до того, как Хранители вернули ей Ее Память?

- Да... Не представляю.

- Интересно, вот бы дожить да посмотреть: кем же она вернется на этот раз?

- При межрайдерном осеннем перелете мы будем пролетать третий райдер, но всего несколько секунд. Если успеем, посмотрим - кто там живет?

- Может и Королева нас заметит?

- Наверяд ли, третий райдер втрое превышает площадь нашей планеты.

- Жаль, что он не приспособлен для нас. Королева, говорят, умела проводить Птиц на любой райдер. Она пробивала тоннель аж до сорок пятого райдера.

- Без нее мы дальше десятого не пробились бы никогда.

Это была правда. Королева обладала способностью ходить на любой райдер, а однажды даже повела патрульных Птиц на сорок пятый райдер, хотя это отняло у нее очень много сил. Сама же она могла пройти до самой границы Света, а граница эта лежала на расстоянии, по меньшей мере, двух тысяч райдеров. Древние, правда, говорили, что она никогда не ходила так далеко по причине того, что начиная с сорокового райдера миры были столь абсурдны по своему строению, что можно было потерять рассудок. Потенциальные же ее способности перехода не имели границ.

Говорили, что Королева родилась на нулевом райдере, куда всему живому путь был закрыт. Даже она сама много раз пыталась пройти на свою родину, но попытки были тщетны. Как она оказалась на Пятом райдере никто не знал. Когда Птицы обрели разум, она уже была здесь, а было это свыше миллиона зим назад. Все это время Она правила Пятым райдером, лишь иногда покидая его, чтобы пройти свое очередное перерождение и прийти обратно уже в другом обличье. Каждый раз, уходя, она завещала свою Память Хранителям, чтобы по возвращении они снова вернули ее.

Если обычные Птицы жили по пятнадцать-двадцать зим, то Хранители были Птицами особого порядка и жили по шестьдесят зим, а то и больше. Их были считанные единицы, и они почти никогда не покидали скал, дабы не подвергнуть опасности свой уникальный ум. Во время отсутствия Королевы правление райдером брали на себя

Птицы, в частности Древние. В их обязанности входило не только управление своим миром, но и наблюдение за порядком и спокойствием на соседних райдерах, начиная с четвертого и кончая девятым. Несколько миров, правда, были непригодны для долгого пребывания в них Птиц, и приходилось проходить их насквозь `сквозным перелетом`.

Чтобы попасть на место зимовки, Птицам теперь нужно было пройти четвертый райдер, `сквозным` пройти третий, где ныне пребывала Королева, и, по возможности, незаметно проскользнуть во второй, чтобы не всполошить местных жителей неожиданным появлением.

В назначенное время небо наполнилось миллионами Птиц, которые зависли в воздухе, ожидая `прохода`. Наконец, несколько Древних спустились на нижний поток ветра, зависли там и выстроились треугольником. Спустя минуту послышалась тихая мелодия песни, которая, начавшись со стороны треугольника Древних, переросла в могучий переливчатый звон, подхваченный остальными Птицами. Когда сила звука достигла апогея, воздух над степью стал дрожать, и возник маленький вихрь, который быстро увеличился до размеров огромного водоворота. В его центре появилась дрожащая черная точка, из которой немедленно ударила огромная молния, пройдя дугой над головами Птиц и ткнувшись в горизонт. Как только точка увеличилась до нужного диаметра, Древние издали резкий крик и ринулись в `проход`, а за ними посыпались с неба Птицы, сливаясь в один сверкающий поток. В течении десяти секунд серебристая река текла в переходный колодец, и когда последняя Птица проскочила в воздушную дыру, `проход` затянулся за ней и бушующий ветер стих. Степные кошки, встряхнувшись, поднялись из травы и, зябко поежившись, направились к скалам, которые отнесло ураганным ветром к тому времени на полторы лиги к северу. В свете встающего Зеленого солнца, искрясь, падал первый снег.

Умер Кактус. Мы завернули его в кусок простыни и похоронили на берегу, как истинно `морского` ежа. Для меня это было большим потрясением. За девять лет своей жизни мне впервые пришлось потерять друга. Я, наверное, долго плакал, солнце успело закатиться, и когда отец пришел ко мне было уже совсем темно. Сев напротив моей кровати, он молча перебирал фотографии.

- Возможно наш ежик сейчас гуляет по облакам и смотрит на нас сверху, а ты плачешь, - заметил отец, наклонившись ко мне, - пройдет немного времени и он снова родится, только, наверно, кем-то другим. Наверняка, человеком. Ведь ежа умнее его не было на свете, верно?

Я посмотрела на отца и слегка улыбнулась. Я представила, как наш Кактус родился обычным мальчиком и удивленно вращает по сторонам головой. Я `спросил`, какова же вероятность этого?

- Я думаю, очень большая, судя по его уму, - ответил отец.

-А теперь тебе пора спать. Может он во сне придет к тебе.

Я лег под одеяло и закрыл глаза. Я представил себе большое поле из облаков, на котором растет бело-оранжевая облаковая трава, из нее поднимается солнце и маленький белый облаковый ежик пасется на этом поле, довольно похрюкивая. Я мысленно позвал его и стал засыпать, надеясь, что он меня услышал, и во сне придет ко мне в гости. Может он там будет дружить с Винни-Пухом, Пятачком и многими другими, кто, конечно, живет на небе, в своем небесном лесу. Отец говорил, что все придуманное

человеком где-то живет на самом деле. Может это там и есть? В таком случае я не боялась за своего ежика. Он не будет там скучать, он будет ходить в гости к Чеширскому Коту, а вечерами сидеть с Карлсоном на его крыше и, конечно, как папа с Томом, разговаривать о политике, спорте и другой приятной чепухе. А потом Карлсон будет его катать над крышами таинственного города с таким непонятным и каким-то колючим названием – Стокгольм.

Утро встретило меня сыростью и холодом. Я с трудом заставил себя вынуть ноги из-под одеяла и нащупал тапки. Я думала что еще очень рано, но, спустившись вниз, обнаружила часы, показывающие мне, что время обеда не за горами. Отец копался в машине на улице. Проглотив по пути стакан молока я вышел к нему.

– Хелло! – поприветствовал он меня.

Я кисло улыбнулся в ответ.

– Как сны?

Я ничего не помнила, раскалывающаяся голова свидетельствовала о нездоровой ночи. Возможно мне что-то и снилось, но мое сознание решило не посвящать меня в подробности моих сновидений. В горах гулял промозглый ветер. Второй день по утрам появлялся иней, к середине дня становящийся ледяной росой, блистающей абсолютно на всем, чего бы я ни касалась. Странные огоньки в горах почти совсем исчезли. Очевидно, холод и ветры им тоже были не по вкусу. Том, приехавший позавчера, сообщил что собирается посетить своих мудрых соседей за мысом и спросит о дне прихода знаменитой молнии, так как время было самое подходящее. Это обстоятельство слегка разогнало мое черное настроение и дало надежду на некоторую отвлеченность от мыслей о еже.

Отец собирался в поселок. Я отпросился погулять и сразу после обеда направился к аллее, одевшись потеплее.

Странное дело, погода всегда меняет твое настроение как ей угодно. Конечно, не все к этому особенно восприимчивы, но уж если довелось обладать подобной зависимостью – пиши пропало. Иной раз, потягиваясь утром в постели и вспоминая удивительный, чудесный сон, которые только и бывают, как ранним утром, замечаешь нечто серо-розовое за окном, какой-нибудь мокрый снег или морозящий дождик, и все твое настроение вместе с лучезарной улыбкой опускается на уровень пола, и ты плетешься на улицу сказать вновь пришедшему дню нечто вроде:

– Ну вот опять, давно не виделись.

Зато солнце действовало на меня мощнейшим катализатором. Казалось, можно заниматься чем угодно, а лучше просто сидеть на крыльце, читать книжки или просто смотреть на небо. А вы умеете смотреть на небо?

Вы, наверняка, скажете: `Конечно!`, и будете, наверняка, не правы. Чтобы увидеть небо, надо долго-долго смотреть на него, сосредоточившись на одной точке и, уж конечно, не мигая. И тогда все пространство вокруг этой точки становится несоизмеримо глубоким и как бы проваливается. Если суметь удержать это боковое зрение, то можно заметить потоки ветра, рвущие облака, словно вату, которая сердясь за причиненное беспокойство, становится из белой темно серого цвета, или, соответственно, из желтой глубоко фиолетовой, что в сущности одно и то же. Иногда, когда небо окончательно рассердится, оно принимает вид черной бездны, рыхлой и манящей своей глубиной, и если это не помогает, оно извергается тучей молний и рычит как рассвирепевший зверь, наступивший на раненую лапу. В такое время особенно страшно

смотреть на это грозное чудище. Ласковая, и вместе с тем, свирепая пропасть низвергающегося пепельного мха затаскивает особенно сильно зазевавшегося слишком долго наблюдателя, а затем бьет по глазам голубоватой плетью, стремящейся достигнуть земли, и обнять ее и раствориться в ней. Обычно такие мои игры кончались легким шоком и продолжительным сердцебиением. А небо, как ни в чем не бывало, становилось опять нежным голубым полем, кружевной степью, по которой идут к долгожданному водопою печальные и величественные облака.

Облака. Это вечная не надоедающая кисть одного художника, который вот уже миллиарды лет рисует пейзажи, никогда не повторяющиеся ни в цветах, ни в композиции. Иногда, это чисто сюрреалистические картины с невиданными до сей поры сочетаниями школ искусств, иногда же это напоминает обычные закаты и рассветы, которые в неизмеримом числе продаются на улицах городов мира, и никогда не утратят своей новизны, вечная тема для художников и поэтов. Стоит задуматься, что если бы этот материал был совсем иной структуры, иной конфигурации, и если бы на небе были не звезды, а, например, летающие шары, или треугольники, парящие параллелепипеды и, разражающиеся громом трапеции, то возможно, и картины были бы совершенно другой направленности, если сказать это мягко. Я все время об этом думаю, настолько часто, что перестала об этом задумываться. Это превратилось в извечно сопутствующую философию (это идиотское слово придумал не я), которая ходит по пятам, и ненавязчиво присутствует фоном для повседневных мыслей. А еще, по вечерам, я сижу у моря и представляю себе эти немыслимые, не нарисованные картины математического мира. И уж, конечно, именно там живут эти бесконечные формулы, ходящие на своих тонких ножках, и всевозможные тригонометры, сантиметры и много еще других мозгопитательных существ. А долгими вечерами какой-нибудь икс или игрек, напряженно сосредоточившись, рисуют закаты из треугольников и кубические облака, перетянутые гипотенузой ветров.

Я прошел уже пол аллеи, когда отец догнал меня.

- Я ненадолго уеду, веди себя хорошо. Не гуляй слишком долго, скоро начнется шторм - на небо поглядеть-то страшно! Я кивнул и направился дальше по направлению к сетке, которой заканчивалась дорожка, упираясь в скалы. Деревья, подножье которых уже покрывал иней, раскинули свои ветки, словно пытались уловить последние струйки тепла, а иные и вовсе скрючились, нервно съезжились в ожидании зимы. Я был похож на врача, совершающего обход тяжело больных, и наблюдающего не умер ли кто за последнюю ночь? Больные - деревья, казалось, стонали, и молча, с пониманием своей участи, просили помощи. Если бы я мог забрать их всех в теплую комнату или переселить на юг, где всегда солнце, где не нужно со страхом все лето ждать зимы, не нужно торопиться вобрать в себя побольше тепла и света. И зачем только они селятся в таких неуютных местах.

Пока я добрался до конца аллеи, пошел морозящий дождь, растворяющийся в воздухе, как кофе в чашке, и незримо забирающийся в рукава и под воротник, добираясь до тела.

Я повернула обратно, попутно сменив свое зрение на другой спектр. Теперь я видела, как капли косыми иголками втыкались в листья, пытаюсь их сбросить к уже падшим своим собратьям. Я поднял воротник, но дождь сразу ответил на это, и с новой силой

принялся хлестать меня в спину, гоня домой, как непослушного теленка.

Съежась, подобно осеннему листу, я ускорил свой шаг.

Гроыхнул гром, обратив мой взгляд в сторону прибоа. Там уже начинался сабантуй, предшествующий буре. Я понял, что еще чуть-чуть и до дома будет трудно добраться, так как я вымок бы до нитки обязательно. Спустя пол минуты на меня обрушилась целая лавина воды, сопровождаемая молнией и немедленным раскатом грома. Этим-то и была опасна местная погода. Можно было греться под солнцем и, буквально, через пять минут уже мокнуть под

ливнем, тем более что сейчас он был как никогда холодный.

Не решаясь бежать дальше, я укрылся под большим разветвленным деревом, прижался к нему спиной и, задрав голову, принялся ловить ртом капли, прорывающиеся сквозь редкую листву. Так я стоял, наблюдая как вода разрушает последний оплот лета, превращая в дрожщую шелушащуюся кашу уцелевшие листья. Шторм разыгрался в считанные минуты и молнии засверкали подобно фейерверку.

И тут я ощутила сильные колебания воздуха, которые сразу подняли во мне воспоминания о `переходах`, сказочных огнях и их пожирателях. Центр этих колебаний, казалось, находился сразу за моей спиной, и сила вибрации росла с каждой секундой. Я в испуге отскочил от дерева и в этот миг что-то полыхнуло у меня в глазах, голубоватый свет заслонил все вокруг, и дерево неожиданно расступилось водоворотом, чернеющего на глазах воздуха. Я увидела это, сразу же вспомнив свои сны, благодаря которым я так долго предавалась депрессиям. Огромный черный тоннель разверст свою пасть и в конце его я увидела неясное зеленое свечение.

В следующее мгновение оттуда пронесся оглушающий переливчатый звон и на меня вдруг посыпались... птицы! Их были, наверно, тысячи, а может и больше. Они стремительно, сплошным бушующим потоком, неслись на меня, в последнюю секунду облетая мое лицо. Горная река из крыльев, перьев, клювов и завораживающей переливчатой песни. Этот звук не был похож ни на что, слышанное мной. Словно тысячи капель бились об окно, тысячи колокольчиков лили свой рассыпчатый звон. Все это настолько быстро произошло, что я и не успел как следует все воспринять. Прошло не больше десяти секунд, и крылатая река оборвалась. Я быстро-быстро оглянулся и увидел на фоне закрывающегося прохода, который оказывается находился в метре за моей спиной, двух птиц, которые зависли в воздухе на долю секунды, развернувшись. Прежде чем я успел бы моргнуть, они кинулись в затягивающееся черное кольцо и исчезли. Но и этого мгновения хватило, чтобы их разглядеть. Это были огромные чайки (я так говорю потому что больше всего они были похожи именно на чаек), размерами напомиравшие орлов, крылья их сильно вибрировали, когда они висели в воздухе, и были похожи на веер из стальных лезвий, и что меня больше всего поразило - я успел разглядеть их цвет. Они были серебряными! Не то чтобы какое-то там темное отсвечивание, а яркий искрящийся серебристый цвет. Я успел заметить нечто вроде удивления, промелькнувшего на лице одной из них, прежде чем они, переглянувшись, исчезли.

В этот момент я поняла, что не могу двинуться. Мои ноги отказывались мне служить, руки плетью повисли вдоль тела, а в голове вертелась сумбурная карусель каких-то ярких картинок, и я почувствовал как теряю сознание. Все что я успел увидеть в последнюю секунду - бегущего ко мне отца...

Глава 10.

Тори пролежал без сознания шесть дней. Впервые в жизни у него поднялась температура, которая теперь редко спускалась ниже тридцати девяти. Он постоянно бредил, бессвязно воя, шипя, и, когда приходил в себя на короткое время, все время махал руками, пытаясь мне что-то сказать. Приехал Том. Он не отходил от постели и сидел ночами, чтобы во время очередного припадка быть наготове. Я чуть не посидел за эту неделю, но все обошлось. На восьмой день стало ясно, что Тори поправляется, а когда он, впервые за это время улыбнулся, мы с Томом облегченно вздохнули. Когда он окончательно пришел в себя, он сразу попросил карандаш и бумагу. Он несколько минут рисовал что-то в альбоме, а затем протянул это нам.

Это была птица. Но какая!! Ничего подобного я до сих пор не видел. Я бы принял ее за чайку-альбатроса, что и сделал по началу, но Тори изобразил рядом для сравнения кошку, и я понял что этот альбатросик не менее четырех метров в размахе!

По объяснениям Тори я понял что это не сон и не галлюцинация, и он действительно где-то эту птичку видел. Он указал на крылья этой бестии и рядом нарисовал лезвие бритвы. Я спросил, имел ли он в виду, что крылья острые, но он отрицательно мотнул головой и поставил знак сравнения.

- Чушь! - воскликнул Том, недоверчиво заглядывая в рисунок через мое плечо. - Ничего подобного здесь не водится, да и где либо, наверно, тоже. Немыслимо себе представить четырехметровую чайку, да еще и с крыльями из бритв. Ты, мальчик, просто долго

пролежал в беспомощности. Мало ли что привиделось! Да еще и эта штука в тебя...

Я оборвал Тома взглядом. Том понял, что сболтнул лишнее. Тори вопросительно на меня посмотрел.

- Том хотел сказать, что ветка дерева тебя ударила по голове и ты упал, - сказал я и посмотрел на Тома.

- Да, конечно! Так все и было. Твой отец все видел, когда побежал тебя искать.

Но произошло совсем не то, о чем мы говорили Тори. Я действительно побежал искать его. Шторм застал меня в дороге. Я сразу же вспомнил, что Тори пошел гулять на аллею, и у меня екнуло сердце в нехорошем предчувствии. Когда я приехал обратно, как я и ожидал, Тори в доме не было. Я бросился к аллее. Хлестал ливень, гром грохотал почти непрерывно. Я бежал среди деревьев, и вдруг заметил Тори, стоящего под деревом.

Каждый знает, что в грозу нельзя стоять под деревьями. Молния, а их было множество, может запросто ударить в ствол, и тогда человек погиб. До него оставалось еще примерно метров сто, когда в том месте, где стоял Тори, полыхнуло голубым отсветом и, едва я успел пригнуться, шарахнуло именно то, что я и ожидал.

Ослепительно белый веер раскрылся в том месте, где только что был Тори, и в небо изогнулась белая дуга. Все вокруг побелело, как снег в солнечный февральский день, и огромная огненная полоса ударила через море в горизонт. Секунд пять я ничего не видел, хотя и успел закрыть глаза, а когда проступили контуры деревьев, я вдруг подумал, что бежать уже будет незачем. Когда обычная молния попадает в человека, от него остается горстка пепла, но оказаться в центре удара этого электрического монстра было слишком! У меня еще хватило доли секунды, чтобы успеть удивиться тому, что я никогда не слышал, чтобы молнии били из земли в небо. Но в следующую секунду я увидел Тори! Он стоял в том самом месте, где только что полыхало зарево ада, затем он пошатнулся и рухнул на землю. Все это я видел, когда уже бежал к нему. Протянув руку к шее, я ощутил биение сердца. Он был жив! И только тогда я вспомнил о его матери, которая таким же образом лишилась рассудка...

Восемь дней я сидел у кровати Тори и ждал. Я был почти уверен в исходе этого проществия и готовил себя к тому, что Тори очнется (если вообще очнется) неизменяемым. Его мать лечили вплоть до самого рождения Тори, и никаких результатов это не принесло. Последние два месяца она так и просидела с раскрытыми от ужаса глазами и перекошенным ртом, и я был почти убежден, что мальчик повторит ее судьбу. Но странности Тори проявились и здесь. Чудовищная молния не только не убила его на месте, но и не оставила никаких видимых следов не на здоровье, не на психике мальчика. Правда, первые недели ноги плохо его слушались, но и это со временем стало проходить.

Когда же Тори окончательно поправился, он уговорил нас сходить на то самое место. Странные птицы не вылезали у него из головы. Он постоянно о них твердил, а иногда садился у окна и, глядя на падающий снег, тихо звенел маленьким колокольчиком, который он отрезал у своей игрушки, и теперь не расставался с ним.

Мы дождались, когда Том приехал с поселка, закутались в шубы и направились осмотреть то место, где Тори чудом остался жив.

Я сразу с точностью определил дерево, так как дорога к нему просматривалась именно по направлению, если бы я стоял, где

стоял тогда. Подойдя, мы не заметили ничего необычного. Обыкновенное дерево, если не считать излишней его зачерненности вследствие разряда молнии. Тори с опаской стоял в стороне и `вслушивался`. Я подошел вплотную к дереву и положил на ствол руки. Ничего. Дерево было мертвей мертвого, лишь ветки раскачивались в стороны с жалобным скрипом. Однако, Тори, пожившись, решил не особо доверять таким впечатлениям. И когда он подошел и прислонил ухо к дереву, то выражение его лица стало явно испуганным. Он ясно показал, что что-то `слышит`, только очень слабо. Я в свою очередь тоже прислонил ухо, но естественно, кроме стука собственного пульса ничего не услышал. Я вопросительно показал знак, которым мы договорились обозначать `переход`, но Тори не спешил с ответом. Любопытство перебороло страх, и он снова прислонился к дереву и попросил нас помолчать. Стоял он довольно долго. Том, притоптывая от нетерпения и мороза, стоял рядом на случай чего-либо непредвиденного. Через минут пять Тори отошел и объяснил, что он что-то слышит, но это что-то, очевидно, далеко, и, что самое странное, постоянно. Как будто кто-то делал `переход` далеко отсюда и, практически, все время, не закрывая его. Тогда у меня мелькнула мысль, что и сам переход может оставлять подобные ощущения. Стало быть, было возможно, что перед нами находилась некая не зарастающая дыра в что-то.

Странное дело. Иногда всю жизнь вот так ждешь чего-то, ждешь, надеешься на чудо, и когда уже совсем не остается надежды, оно сбывается, но уже нет той радости, того безумного восторга, какой возникает при мгновенном исполнении твоего желания. Размышляя над этим, можно предположить, что если есть где-то такое место, где задуманное автоматически сбывается, то наверняка, люди, живущие там, простодохнут от скуки с таких чудес. Но дело совсем не в этом. Я стоял и пялился на это дерево, и все больше понимал, что именно этого я так долго ждал. Ну если не этого, то нечто в этом роде. Неужели никто из вас никогда не хотел найти дверь, которая уведет вас в некую страну чудес, в сияющую сказку? Да я просто уверен, что каждый. И вот теперь эта дверь была передо мной. По крайней мере, я хотел верить, что это именно она. Немного смущало только то, что судя по характеру гостей оттуда, нас там, видимо, никто не ждал, не говоря уж о приглашении.

- А если попытаться эту штуку вскрыть? - осторожно спросил я.

Тори, было видно, боялся и с сомнением качал головой.

-А ты попробуй! Эх, мне бы...- протянул Том.

Тори обиженно сконфузился, а затем решительно кивнул и попросил, чтобы мы отошли подальше.

Спустя пять минут, в течении которых Тори мысленно `боролся` с деревом, мы решили оставить попытку.

Ужасные проклятья так и прыгали у меня на языке. Вот она, перед тобой, это чудо, невиданное людьми, дверь в неизведанное, и у тебя нет ключа ее открыть! Я чувствовал себя полным идиотом. Я дал себе слово, что потом я постараюсь раскопать секрет этого `замочка`. Я притащу сюда десятки, нет, сотни приборов, буду сидеть днями и ночами, буду....

Стоит ли говорить, что у меня ничего не вышло. Втихую от Тори, я провел на этом месте многие часы. Я ископал его вдоль и поперек, срезал кору с дерева, исследовал его сок, внутреннюю древесину, электричество, электромагнитные колебания и многое

другое, но результат был один и тот же. Ничего...Ничего. Словно кто-то играл с нами в какую-то чудовищную игру, издевался как хотел. Нас завлекало в какую-нибудь мистическую чехарду, а когда мы пытались что-либо понять, все исчезало, и мягкий издевательский голос говорил: `Вам показалось, это переутомление, надо немного отдохнуть, и все пройдет!`

Воздушный замок рухнул. Дзинь! Полетели зеркальные осколки. Осталась кучка разгоняемого тумана, да гадкое хихиканье где-то за спиной...

Глава 11.

-Какой славный человек, такой маленький! - обратилась одна из Птиц к другой.

-Никогда не думала, что на Третьем райдере могут быть такие смешные созданы! - подтвердила Вторая.

Обе сидели на краю плывущего по небу студенистого островка, которые так многочисленны зимой на южной территории Второго райдера.

- А как страшно то было! - вспоминала одна, - мы чуть не погибли!

- Да. Еще бы немного и `переход` закрылся перед нами!

-Я еще успела увидеть море. Оно у них такое страшное! Все в пене, клокочет, молнии сверкают, и небо темное, мрачное, как склеп.

- Да уж, местечко не из приятных!

Мимо просвистела пара Птиц. Рассекая плотный воздух, они, лавируя между островами, направились к видневшимся невдалеке полям дурманящей травы.

- На ночевку полетели.

- Пора. Скоро солнце зайдет. Все никак не привыкну к здешней темени.

Взмахнув крыльями, они соскользнули вниз. Последние лучи прятали свои голубые нити в горизонте, и с востока уже ползла черная непроглядная тьма, разливаясь липкой лужей по бескрайним полям...

Птицы. Я лежал и вспоминал их. Конечно, они были огромны и страшны, но, вместе с тем, очень красивы. Я представил, как они тогда висели передо мной, подобно двум огромным колибри, и вертели головой. Глаза. Странные глаза, как будто понимающие тебя, они прямо источали любопытство. Предавшись мечтам, я представил себе, как я бегу по полю, а рядом со мной летят птицы, как бы охраняя меня. А потом мы играем, загоняя воображаемого кролика, или запрыгнув на спину к одной из них, я лечу над травой, поднимаясь все выше, выше...

- Тори! - голос отца рассыпал мои чудесные картинки. Я слез с кровати в тапочки и пошел вниз.

- Смотри, что я привез!

Это был велосипед!

Надо ли говорить, что отец правильно все рассчитал, и это событие вытеснило из моей головы абсолютно все. Теперь, едва рассвет освещал дорожку, я сел на своего двухколесного друга и начинал объезд окрестностей. Колеса давали большие возможности. Например, я теперь мог проехаться по дороге, что вела в поселок, и получше ознакомиться со здешними местами. Когда мы ездили на машине за продуктами, я заметил множество тропинок, ведущих от дороги к горам. При первой же возможности я

решил разузнать, куда они ведут. Воображение услужливо начертило карту, по которой я непременно отыщу клад, и мое желание переросло в непреодолимую натянутую тетиву.

Спустя три дня я так и сделал. Я доехала по грунтовой дороге до шоссе и направился к поселку. Доехав до третьей или четвертой тропинки, сворачивающей от асфальтовой ленты к горам, я съехал на обочину и остановился. Надо было еще раз все взвесить. Неожиданно появилась мысль, о которой я и не помышляла. Раз существовала тропа, то кто-то ее протоптал. Следовательно в конце ее вполне могли оказаться люди. Это было крайне не желательно. Сначала я решил ехать на велосипеде, так как, в случае опасности, я мог быстро смыться. Но тут же подумал, что в этом случае мне не удастся незаметно подкрасться, если там действительно кто-то окажется. После минутной борьбы победило второе. Я отвел велосипед в небольшой овраг и, забросав его ветками кустарника, пометил место, привязав к кустам обрывок веревки.

Далее следовал долгий путь к подножию гор, которые находились в этом месте на достаточном расстоянии от дороги. Идти было легко и приятно. Солнце лизало спину, от тянущейся вдоль дорожки полосы благоухающей травы веяло пряным запахом разгара дня. Когда, спустя минут сорок, я приблизился к, кажущимся неприступными, стенам гор, обнаружилось, что вблизи они представляли довольно сносный путь наверх. Нагромождение огромных валунов и обломков скал, упавших сверху, образовывали естественные ступени, теряющиеся в камнях. Отсвечивающие блики слепили глаза, от поверхности камней веяло жаром. Подумав и взвесив все за и против, я ступил на первый уступ и, подтянувшись на руках, оказался на втором. В конце концов, искатели приключений не останавливаются на пол пути.

Каково же было мое изумление, когда я наконец выбрался на вершину пика. Вокруг раскинулось такое пространство, несоизмеримое ни с чем. У меня захватило дух, когда я глянул в сторону океана. Там, вдалеке лежало сверкающее зеркало, отбрасывающее тысячи искр своими блестящими чешуйками. Огромное воздушное море раскинулось передо мной. Лучи солнца, словно иглы, пронзали это колышущееся прозрачное варево, которое, несмотря на свою прозрачность, так и ползло на тебя своей плотностью. Казалось, достаточно прыгнуть в эту бесконечную перину, чтобы упруго погрузиться в солнечную ванну, и нестись, гонимым ветрами, в неизвестном направлении.

Я присел на камень, положил голову себе на колени и, расслабившись, закрыл глаза. Просачивающееся сквозь веки, солнце рисовало у меня в глазах цветные искры и завитушки. Было тепло и спокойно. Это было чертовски похоже на то место, которое люди называли раем. Вот оно, высшее блаженство, сидеть на вершине горы, когда солнце греет тебя в спину и ласковый ветерок треплет твои волосы.

Я открыла глаза и чуть не свалилась со своего насеста от удивления. Я и не заметила, как и когда это сделала, но мир вокруг пылал зеленоватым светом и багрово-красные тучи величественно плыли по голубовато-зеленому небу. Я даже не сразу поняла, что вокруг меня стоит мертвая тишина. Бескрайнее пространство замерло в чудовищной тишине, наклонив вопросительно голову и сощурился глаза.

Я замерла на месте. Чувство испуга быстро прошло. Успокоившись, я склонил голову на бок и улыбнулся. Мы вели

молчаливый разговор с небом, с ветром, который беззвучно кружил вокруг меня травинки и всяческий мусор, и, конечно, с солнцем, которое спрашивало каждую секунду: `Тепло ли тебе?`

Я неожиданно поймал себя на том, что испытываю огромную благодарность этой огромной стихии, которая так ласково и нежно лелеет меня. Наверно, мир всегда был бы также добр и светел, если бы все люди хоть раз в жизни поняли его заботу и внимание и оплатили бы ему тем же. Я представила себя на месте этого огромного доброго и всесильного существа, и ясно представила несовместимость этой красоты и покоя с ничтожными злыми людьми, которые даже не позаботились никогда подумать о цели своего пребывания на этой Земле и по чьей прихоти они здесь появились. Я подумал о том, что будь я Богом, я бы никогда не допустил присутствие этих злобных людей на этом свете, и тут же осознал, насколько же сам Бог действительно милосерден, что способен терпеть и заботиться о тех, кто его же поносит. Это действительно страшное оружие – доброта. Прости своего врага – и ты его уничтожишь. И о чем бы я не думал, везде вставала двойственность положения о защите. Действительно, Зло всегда пыталось уничтожить своих врагов физически, Добро – морально, а последнее намного страшней.

В таких размышлениях я провел не один час на этой скале, и спохватился только когда заметил, что солнце уже собралось отправляться на покой. Я почувствовал непреодолимое желание встать и поклониться этому огромному миру, что так открыто принял меня.

К дому я приехал, когда уже темнело. Отец поинтересовался где я был. Я объяснила ему, что я гуляла в горах и рассказала ему о своей `беседе`, на что отец ответил:

- А ты уже совсем взрослый. Мой маленький мальчик стал большим мудрым мужчиной!

Если бы он только знал, как я был горд услышать это!

- Завтра мы поедем навестим Тома. Он наверно совсем заскучал. Да и о празднике Лета надо поговорить, уже совсем немного осталось.

А я и забыл, что скоро праздник! Ух, ну и повеселимся мы! Интересно, что же придумает на этот раз Том?

- Иди поешь и спать. Завтра рано поедем, - сказал отец и пошел осматривать лодку.

Засыпая, я приоткрыл глаза и посмотрел в окно.

- Спокойной ночи! Мысленно улыбнулся я всему огромному миру за окном, этому теплому, мохнатому, большому мурлыкающему котенку...

Глава 12

Тори исполнился двадцать один год. К этому моменту он был стройным и красивым юношей. Развитый хорошо физически он теперь с трудом сдерживался дома, норовя все время ускользнуть на улицу. Все было бы хорошо, но непонятные предчувствия все чаще и чаще стали посещать меня. Неожиданные приступы тоски заставили меня совершенно по новому взглянуть на окружающий нас мир. За эти годы, проведенные в заточении на этом маленьком клочке земли, я успел полюбить этот пляж, эти скалы, наш маленький дом, и все чаще появлялось чувство, что скоро мы всего этого лишимся. Тори в свою очередь, по-моему, тоже испытывал нечто подобное. Все чаще я стал замечать его печальный взгляд, когда он вдруг неожиданно останавливался и оглядывался то на море, то на дом.

Мы, по молчаливой договоренности, не обсуждали эти проявления депрессии. Казалось, мы понимаем друг друга без слов. Согласитесь, в подобные минуты самое умное – это не лезть в душу человеку. Обычно, это ни к чему хорошему не приводит, а только раздражает и без того напряженное состояние. Поэтому я совершенно спокойно относился к его прогулкам по ночам, отнесся их к еще одним его странностям, а уж об их числе беспокоиться не приходилось. Например, в свои двадцать один, он совершенно не интересовался девушками. Наоборот, любые разговоры или обсуждения на эту тему его раздражали и портили настроение. Том тоже стал замечать наше `странное` поведение. `Посмотрев на вас, я бы не сказал, что у меня возникают хорошие мысли,` – как-то сказал он, – `Уж не собрались ли вы меня тут оставить на старости-то лет?`

Эх, Том, кабы я мог что-либо вразумительное ответить на твой вопрос. Я и сам ничего не понимал. К тому же мы с Томом стали опасаться за Тори по поводу его способностей. Они стали проявляться все чаще и совсем не к месту. Например, сидя за рулем машины, я оборачивался к Тори, чтобы что-нибудь спросить или сказать, и обнаруживал что его нет. Через минуту он появлялся, а через минут пять исчезал снова. Как-то он `сказал` мне: `Мне все больше нравится там.` Не могу сказать, чтобы эти `перемещения` сказались на нем отрицательно. Я, по правде, побаивался за него, когда он находился `по ту сторону`, но Тори, казалось, неплохо там себя чувствовал. Правда, он избегал находиться в этом состоянии близко от аллеи, так как наши таинственные друзья изредка доносили его, когда он появлялся вблизи от них, и, хотя они не могли причинить ему серьезный вред, но несколько раз его довольно сильно перетряхнуло от случайных разрядов этих `милых` облачков. Как выяснилось, они не проявляли к Тори особого интереса и лишь отпугивали его, если он появлялся `в чужой территории.`

В таком, не очень приятном настроении, мы провели конец лета. Осень не заставила себя долго ждать и желтыми листьями и дождями постучала к нам в окошко. Мои надежды на смену эмоционального настроения с приходом осени не оправдались.

Как-то вечером мы с Тори, сидя за столом, завели разговор.

– Тори. Если я не ошибаюсь, что-то явно происходит. Может у тебя какие-либо соображения есть на этот счет?

Тори покачал головой, обдумывая ситуацию. Затем пожал плечами и вопросительно показал знак `уходить.`

– Куда уходить?!

Опять последовало недоуменное выражение лица. Затем Тори `сказал`, что нужно время.

– Для чего? Лично мне кажется, что скоро произойдет что-то, что я не хотел бы. По крайней мере меня это пугает.

Тори был тоже испуган. К тому же он знал не больше моего, хотя какие-то догадки у него теплились на лице. Он взял карандаш и нарисовал облако.

– А это-то тут причем? – я все больше нервничал.

Рядом он нарисовал дерево, затем уже знакомые мне `огоньки` и помедлив с полминуты, изобразил рядом... молнию!

– Я думаю, что ты преувеличиваешь! Не стоит валить все на загадки природы. Да и молния тут при чем?

Тори задумчиво чирикал что-то на листе.

– Какая же связь между всем этим? – спросил я – Может сходить туда хочешь? Хочешь, я схожу с тобой.

Он улыбнулся, но отрицательно покачал головой. Затем он показал на молнию и описал руками большую дугу.

- Ну это я понял. Кстати и время подходит. Надо спросить у Тома когда будет день...

Тори перебил меня рукой и выложил свой листок поверх первого. На нем была нарисована уже знакомая мне чайка-монстр. Тори указал на нее, а затем постучал себя пальцем по голове. `Я слышу` - показал он.

- Кого слышишь? Чаек?

Он утвердительно кивнул. Затем чайку перечеркнул молнией. Теперь мне становилась понятнее линия его размышлений.

- Ты думаешь что это все как-то взаимосвязано?

В ответ он взял все рисунки и многозначительно смял их вместе. Потом махнул устало рукой и выкинул скомканную бумагу в мусорницу.

- Тори. Я пожалуй наведаюсь завтра к Тому. Ты со мной?

Он показал `нет` и объяснил что будет спать.

- Ну, как хочешь.

На этом наш разговор закончился. Не могу сказать, что он меня успокоил, но кое-какие мысли поселились у меня в голове.

На следующее утро я отправился к Тому. Он вышел меня встречать, хитро улыбаясь.

- Ну?

- Что?

- Вы же болтали вчера с мальчишкой, не правда ли?

- А ты откуда знаешь?

- У меня сердце, что твой метеоцентр, все знаю наперед. Да ты выкладывай.

- Да я толком ничего и не понял. Единственное, что ясно, Тори ждет момента появления `дороги в рай.`

- Я так и думал. Уж слишком много всего странного скопилось в одном месте. Не к добру это. Как говорить - собака к собаке тянется!

- Это точно.

- Ну, а ты что думаешь?

Я развел руками.

Может, если послушать паренька, мы что-нибудь интересное откопаем?

- Кто знает, кто знает...

- А я так думаю, хуже не будет. Нюхом чую - дело большое и стоящее, а нюх у меня того- пиратский.

- Ну смотри, Том, наломаем мы дров...

- А-а! И не такое видали. Если мы уж с этими бестиями в горах не струхнули, так чего нам теперь. И все-таки беспокойно мне.

- Мда...

Глава 13.

Я боялся рассказать отцу о своих сомнениях. Боялся по многим причинам, первая из которых была опасность, которую я испытывала за свою голову. Начиная с лета, я все больше чувствовал, как мне становилось хуже и хуже. Хаотичное течение мыслей сменялось беспокойными снами, в голове почти постоянно слышался странный звук, как будто кто-то звонил в колокольчик, да еще эти постоянные кидания `переходов` совсем выбили меня из колеи. И птицы... Мне всюду мерещились эти птицы. Настойчиво и неуклонно они возникали у меня перед глазами, и ни днем ни ночью

покою мне не было от них. Ко всему этому бардаку приплеталось странное чувство, что вот-вот что-нибудь `бабахнет` и все кончится. Но понять толком, что `бабахнет` и что кончится я не мог.

Кое-что, правда, стало проглядывать в этом сумбурном винегрете. Я стала чаще прислушиваться к своим внутренним ощущениям и наблюдать. Очевидная вещь предстала передо мной – уж не знаю каким образом, но в ходе моих мыслей главное место занимала молния, что именовалась `дорогой в рай`.

Ее образ не покидал меня ни на минуту. В некоторой степени я чувствовала себя эдаким `зомби` которого просто тянут за ниточки, притом весьма нетерпеливо. Приятного, в общем, мало.

Понимание отца меня весьма порадовало, и я очень был благодарен ему, что он не пытался что-либо выяснять, тем более, что вряд ли я рассказала бы ему что-либо толковое. Мне нужно было разобраться в себе и на это требовалось время. Когда же отец все таки завел об этом разговор, я частично поделился своими впечатлениями, и старался это сделать очень аккуратно, чтобы он не подумал, что у меня `едет крыша`. Я сочувствовал ему, так как понял, что и у него происходит нечто подобное. Жутко хотелось проверить свои догадки, но во первых было страшно, во-вторых я просто не знал – чем это все кончится. Тем не менее, я понадеялся на отца и не ошибся. Мне было неудобно перед ним – ведь я не рассказала ему главное, да и стал бы он меня слушать, ведь в случае неудачи моего эксперимента мы могли поплатиться рассудком, а то и жизнью. Ох, мама, все-таки ты оказалась умнее нас всех. Жаль ты не учла одной мелочи, и ценой своего сознания заплатила за эту маленькую подсказку, которая, возможно, поможет мне.

День настал. Ветер хлестал нас по лицу и послушные листья били по щекам мокрыми тряпками. На море страшно было смотреть. Седое от пены оно, казалось, хочет разбить в клочья ненавистную сушу. Мы стояли, пораженные этой картиной. Я был полон решимости, хотя чувствовал некоторую слабость в ногах при мысли о том, что я даже не знаю, что произойдет. Посмотрев на Тори, я понял что сомневаться не приходится – сегодня явно что-то будет. Глаза его сверкали, ноздри трепетали, как у зверя, почуявшего запах добычи. Он весь собрался, словно готовился к прыжку. Надо заметить, что какие-либо догадки и идеи он так и не хотел донести до моего ума.

– Будь осторожен! – сказал мне Том, – парень еще тот шутник.

– Я помню. Ты тоже смотри в оба.

Не очень торопясь, и не горя энтузиазмом, мы достигли нужного места. Я не секунды не сомневался, что Тори поведет нас к дереву. Так оно и произошло, и теперь мы сгрудились под ним, дрожа от ветра и поминая кто чем этот ужасный ливень. Тори сел спиной к стволу, прислонился к нему затылком и закрыв глаза погрузился в `слушание`. Через пять-десять минут, показавшимися нам адом, он поднял указательный палец, призывая нас ко вниманию. Округлив удивленно глаза он недоумевающе уставился на нас, затем поднял руки над головой и стал трясти ими.

– Вибрация? – подсказал я.

Тори указал на уши.

– Гром?

Утвердительный кивок.

- Да уж, тут его навалом! - прокляцал зубами окоченевший Том.

Тори сердито взглянул на него и постучал по дереву.

- Там?!

Он кивнул.

- А может это связано с отраже...

И тут произошло нечто странное. За спиной Тори воздух поплыл волнами и стал загигаться вокруг дерева, притом со все возрастающей скоростью.

- Тори, сзади!!! - только и успел крикнуть я.

В этот момент я вспомнил ту страшную картину, когда в этом месте нашли его мать. В одну секунду я понял цепь рассуждений Тори, но было поздно что-либо исправлять.

Было такое впечатление, что нас накрыло огромным белым сачком. Молния обтекала нас со всех сторон, приняв форму купола посреди которого оказались.... я и Тори. Том остался за этой стеной!

В следующее мгновение пузырь лопнул и воткнулся иглой в небо, где изогнувшись дугой цапнул когтем горизонт. Из ушей у меня полилось что-то теплое. Я уже было подумал что это конец, и я просто убит, но то что я увидел в следующую секунду заставило меня вспомнить о преисподней. Там, где только что было дерево, за спиной Тори, сверкала черная бездонная пропасть, уходящая в ничто беззубой пастью. Эта мерзость перетекала по краям подобно студню, а ближе к центру скручивалась в жуткий водоворот и позади этого всего была леденящая пустота. Но больше всего меня поразил Тори. Он стоял на фоне этой штуки и улыбался! Потом он протянул мне руку. Я только собирался открыть рот, но Тори показал мне чтобы я молчал. Каждая секунда казалась вечностью. Мы стояли, взявшись за руки, на краю бездны, и тут Тори улыбнулся мне и сделал приглашающий жест по направлению вперед.

- Туда?!

Он улыбаясь кивнул и нетерпеливо дернул меня за руку.

- Да чтобы я ... а впрочем я всегда знал, что все этим кончится.

С этими словами я тоже улыбнулся и шагнул вместе с Тори прямо в ад! Последнее, что я почувствовал, это было мое тело, разваливающееся на кубики, словно детский конструктор.

Глава 14.

Было раннее утро, и первые зеленые лучи второго солнца лишь только коснулись самых высоких стеблей степной травы. Легкий ветерок разносил остатки грома промеж Розовых и Желтых скал, а степные Кошки с удивлением принюхивались к незнакомому запаху, который шел от двух странных существ, лежащих навзничь в траве. Но вот один из них приподнялся и открыл глаза.

- Господи! - произнес он, - Это что, небеса?

-Нет, пап. Это моя Родина раздался из травы тоненький голосок другого существа.

Первый обернулся и в изумлении уставился на второго, потом вдруг упал на траву и захохотал.

-Нуу, пап, скажи, как тебе здесь?

Тот сел и наклонив на бок голову, прищурившись улыбнулся.

- Не знаю как здесь, но ты дочка - просто красавица. И главное что я просто идиот - сто раз мог догадаться. Растил - растил и тут...

-Ну тогда пошли осматриваться, папа.

-Пошли, Тори!

И мужчина взял за руку маленькую девочку и направился к гигантским розово-красным скалам, а навстречу им уже летели продравшие глаза Хранители Королевской Памяти. Летели встречать Королеву. Наступила долгая седая зима Пятого райдера...

КОНЕЦ